

3/283/2a

**КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА**

**ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

**ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА**

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА

«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ 1924

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Философская эволюция Маркса, посмертная рукопись с предисловием Л. Аксельрод (Ортодокс)	5
<i>В. И. Засулич.</i> —Нечаевское дело, посмертная рукопись с прим. А. И. Успенской и Л. Г. Дейча	22
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Был ли Нечаев гениален?	73
<i>П. Б. Аксельрод.</i> —О задачах научно-социалистической литературы («письмо к товарищам»)	87
<i>О. Нельский.</i> —Движение русской общественной мысли от идеализма к марксизму (Белинский—Чернышевский—Плеханов)	103

<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из Кариийских тетрадей: I. Жизнь Плеханова в Бэжи над Клараном; II. Переговоры с «придворными сферами»	119
<i>М. Рыжанская.</i> —Первый реферат Плеханова в Цюрихе	145
<i>М. Вискоцки.</i> —Члены группы «Освобождение Труда»	149
<i>Ц. С. Гуревич-Мартыновская.</i> —Знакомство с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич	160
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Эмигранты и наивный миротворец (из встреч с членами группы «Осв. Тр.»)	168
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Аарон Зунделевич (один из первых социал-демократов в России)	185

П И С Ь М А:

<i>Л. Дейч и В. Засулич.</i> —Плехановым	217
<i>В. И. Засулич.</i> —К. Марксу	220
<i>К. Маркс.</i> —В. Засулич	222
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Г. В. Плеханову	225
<i>Л. Г. Дейч.</i> —В. И. Засулич и остальным членам группы «Освоб. Труда» (из тюрем, каторги и ссылки)	227
<i>Г. В. Плеханов и Ф. Энгельс.</i> Переписка, с предисл. Л. Дейча.	306

ПИСЬМА К В. И. ЗАСУЛИЧ И ОСТАЛЬНЫМ ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

(из тюрем, каторги и ссылки от 1884 по 1893 г.г.).

Официальная моя переписка из разных мест заключения с моими друзьями — В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым — возникла таким образом:

Когда я летом 1884 г., будучи выдан германским правительством, находился в Петропавловской крепости, мне однажды было передано смотрителем письмо от В. И. Засулич, адресованное еще во Фрейбургскую тюрьму и пересланное оттуда в Петербург. На нем были печати и подписи разных лиц и учреждений — директора департамента полиции, прокурора судебной палаты, коменданта крепости, — через руки которых оно прошло. По прочтении его мною, у меня его, конечно, отобрали. Когда же после перевода меня в Дом Предварительного Заключения министр юстиции Набоков, при посещении этой тюрьмы, спросил меня, не имею ли чего заявить, я спросил, могу ли ответить на письмо «моей замужней сестры, живущей в Цюрихе», на что я получил утвердительный ответ. Написав письмо своим друзьям, я выставил на конверте улицу и номер дома, где жил Аксельрод, но, опустив его фамилию, ограничился одним его именем по-немецки — «Herrn Paul»: выходило, будто моя сестра замужем за «г-м Паулем». Ответом на мое письмо были три письма: от Веры Ивановны, Георгия Валентиновича и Павла Борисовича, в одном конверте, полученные мною уже после суда надо мною в Одессе.

Сохранив у себя эти письма, ввиду имевшихся на них штемпелей и подписей разных должностных лиц и учреждений, я затем всюду, при случае, ссылался на решение, данное мне самим министром юстиции, а также,

мол, директором департамента полиции и т. п. важными особами, доказательством чего служили штемпеля, печати и подписи этих лиц.

Этого моего права никто нигде не оспаривал: даже подлая ищейка, карийский комендант Николин, увидев на привезенных мною письмах разрешение директора департамента полиции и подобных лиц, — не отыскал повода придрататься и разрешил иметь эти письма при себе. Поэтому все время пребывания на Каре, затем в вольной команде и на поселении, вплоть до моего побега из Сибири в 1901 г., не прекращалась моя переписка с членами группы «Освобождение Труда».

К сожалению, не все мои письма к друзьям сохранились в архиве Плеханова, где я их нашел в 1922 г. в Париже. В них, хотя и с большими пропусками, имелись небезынтересные сообщения и иллюстрации моей и моих друзей жизни за семнадцатилетний период нашей разлуки, но пока, к сожалению, у меня в руках находятся лишь письма за первые 9 лет, да и то, повторяю, далеко не все.

Еще в большей степени досадно и огорчительно, что письма этих друзей ко мне за весь долгий период разлуки с ними я сам уничтожил, сжегши их (также огромное количество других документов и рукописей) накануне своего побега из Благовещенска, вследствие боязни взять весь этот богатый архив с собою, а также и оставить его у кого-нибудь на хранение, чтобы не дать посторонним лицам возможности рыться в частной корреспонденции. Это была преступная несообразительность с моей стороны, которой я не могу себе простить: я сам истребил драгоценнейшие материалы! Но ничего не поделаешь теперь...

Нижеследующие письма по времени являются продолжением моих к П. Б. Аксельроду, помещенных в первом сборнике.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

1/13 X 1884 г. Одесса.

Дорогая сестра, наконец, после долгих ожиданий, сменившихся отчаянием (и обратно), получил вчера твое письмо от 25 (13) сен., и то только благодаря прокурору окружного суда. Какое наслаждение и утешение доставили мне эти ваши письма — особенно твое, — ты поймешь по прочтении моего письма. Дело в том, что недели две тому назад

здесь был министр юстиции; на его вопрос, не имею ли чего заявить (я его видел уже летом в Петербурге, — он производит довольно приятное впечатление), я решился попросить его, чтобы меня оставили здесь до весны и не переводили на положение лишенного всех прав, ввиду того, что зимою гораздо труднее свыкнуться с условиями, связанными с этим новым званием. Он, кажется, предложил местным властям исполнить мою просьбу, [потому] [что] меня вслед затем перевели в теплую хорошую камеру, дали постель и все, чего я был до суда лишен. Дней 10 я был на седьмом небе, — испытывал невыразимое наслаждение, ложась спать на соломенном матраце: никогда раньше никакая пружинная постель не доставляла мне такого удовольствия. Я, как и местная администрация, думал, что, значит, меня согласились оставить здесь на зиму (что вообще практикуется). Но, увы, недолго продолжалась мечта: на-днях мне об'явили о предстоящей отправке меня на будущей неделе в Центральную (Московскую) тюрьму для ссыльно-каторжных. Таким образом «комфорт», длившийся две недели, был мне не в пользу, а скорее во вред, так как от этой сравнительно хорошей обстановки (и на две недели ближе к зиме) перейти к кандалам, бритой голове и всему прочему гораздо труднее.

Почти одновременно с этим грустным известием мне об'явлено было еще и другое, а именно, что присланные вами 100 рублей, попавшие как раз в руки военного суда, он определил, — за вычетом 16 р. 40 к. судебных издержек, — остальные 82 р. вручить моим наследникам — родным. Мне, конечно, не было бы жаль этих денег, — да и гораздо большей суммы, если бы они были мною самим приобретены и достались бы в наследство моей семье. Но в том-то и дело, что родные мои навряд ли воспользуются этой ничтожной суммой, так как получение ее, верно, будет сопряжено с массой формальностей и издержек, быть может, превосходящих самое «наследство». Теперь ты поймешь, в каком настроении я был под влиянием этих двух известий и какое утешение доставило мне твое письмо, пришедшее в дни сборов в тяжелый и неприятный путь. Вы сильно ошибаетесь, милый Жорж, допуская предположение, что «каторжная жизнь окажется лучше предварительного заклю-

чения»¹⁾. Судя по сборам, я уже вижу, что это будет нечто невозможное, — хуже, чем в брошюре «От мертвых»²⁾. На мне, не забывайте, соединяются все неудобства, связанные с положением так называемого «государственного» и «уголовного» преступника. К тому же вследствие неполучения ваших 100 рублей, я не могу сделаться «эпикурейцем», как вы советуете, в отношении пищи; наоборот, я должен сожалеть, зачем не в достаточной мере был последователем Диогена, — тогда, быть может, у меня больше уцелело бы на те времена, когда особенно будет нужна копейка, без которой, как говорит Достоевский (в «Записках из Мертвого Дома»), «каторжный не мог прожить и месяца». В этом отношении мое положение хуже, чем всякого другого уголовного (или государственного), так как, не говоря о непривычке ко всяким лишениям, я к тому же лишен возможности какой-нибудь работой или ремеслом улучшить свою пищу. О занятиях высшей математикой смешно и думать: не говоря уже об отсутствии средств на покупку книг, вот так-таки станут давать мне «многотомные» учебники и необходимые принадлежности для занятий (хотя бы, например, лампу в камере, а не свет из коридора). Рад буду, если удастся приобрести учебники по низшей и смогу ею заниматься при предстоящей обстановке (не забывайте, что в Москве теперь день длится каких-нибудь 5—6 часов, а также, какой холод предстоит мне выносить). До сих пор я питался довольно сносно (хотя и не так, как следовало бы, если бы слушаться ваших советов), но, к сожалению, теперь, с ухудшением всех других условий, приходится и от улучшенной пищи отказаться, чтобы хватило подольше хоть на чай. От табаку я на днях отказался. Тяжело очень с ним расставаться, не потому, что это сильная потребность, а — единственное развлечение, удовольствие, единственный, можно сказать, друг для одиночно заключенного. Я, право, думаю, что % сумасшедших был бы значительно больше, если бы секретным арестантам было запрещено курить. Ведь, расхаживая из угла в угол с папироской, при слабом свете

¹⁾ Впоследствии оказалось, что ошибся я, а не он, Плеханов.

²⁾ Я, вероятно, имел в виду очень популярную тогда брошюру Долгушина «Заживо погребенные», но забыл ее заглавие.

в длиннейшие вечера, не так замечаешь время, как без курения. Жалко мне было также расставаться с подарком Лизы ¹⁾ — портсигаром (я послал его своей сестре Соне), так как у меня его отняли бы или украли, поломали и т. п.

Ужасно жалею, что не получил вашего предыдущего письма [посланного] в Петербург: оно, верно, где-нибудь застряло (настоящее ваше письмо прошло массу инстанций). Не знаю, почему тебе, Павел ²⁾, вздумалось послать его по адресу председателя суд. пал., когда я просил — на адрес прокурора окружного суда? Жаль, что вы хоть в общих чертах не повторили содержания предыдущего. Да, тебе, дорогая, не везет с большими письмами. Но я и этому ужасно рад: оно писано, очевидно, в сравнительно бодром настроении. Я не сомневаюсь, что одобрил бы твое решение насчет твоего будущего, раз ты обдумала его все-сторонне. Очень бы хотел знать, в чем оно состоит? Радует меня твое известие о большой симпатии, установившейся у вас с «Лизенком» ³⁾ и о прелестном состоянии ее здоровья. Имеет ли она известия от матери маленького Женички, где она и что с нею? Она ведь была с моей сестрой на одном курсе, и, быть может, они в переписке, а то я пишу, пишу моей Соне и не знаю, доходят ли до нее мои письма (теперь она в Купавской волости, какой-то «Чум-Урюпинской Управы» Земли Войска Донского). Здесь я от нее не имел ни одной строчки. Между тем, Соня единственный человек в семье, с которой я мог бы поддерживать переписку, — других сестер я почти совсем не знаю, каковы они. Ей же я послал свои часы и колечко Ани ⁴⁾. Ужасно рад, что и она выздоровела. Старайся, дорогая, не совсем забывать ее: она ведь действительно оторвана от мира. А как здоровье Тамары? ⁵⁾ Ты о ней никогда не упоминаешь. Боюсь, не заболела ли и она? Меня это очень огорчило бы. Пусть она едет в теплые страны, к Фридриху Карловичу, а то и по-

¹⁾ Наша, всех членов гр. «Освобожд. Труда», приятельница Елизавета Мощенко (урожден. Хотинская).

²⁾ Павел Борисович Аксельрод.

³⁾ Все та же Елизавета Мощенко (ур. Хотинская).

⁴⁾ Анна Марков. Розенштейн-Макаревич, она же жена Турати, лидера итальянских оппортунистов.

⁵⁾ «Тамарой» Плеханов как-то прозвал в шутку С. Кравчинского.

дальше. Зачем шутить со здоровьем? Боюсь, не поздни ли мои советы, и мне страшно подумать, что Фанни останется тоже одна-одинешенька ¹⁾. Однако как много я разболтался о прекрасном поле. — Да, дорогой Жорж, не завидна ваша участь: писать брошюру в 10 листов против «настроения» ²⁾. Но я никогда не посоветовал бы вам такой большой заряд выпустить против такого слабого укрепления: ведь на 10 л. можно изложить полную популяризацию Маркса, что куда полезнее какой бы то ни было «войны с настроением», которое, как таковое, изменчиво, и через 3 — 6 мес. воюющая сторона может об'явить, что она снова изменила свое настроение, что по новому ее настроению — этот фактор не столь существенен. И что же? Ваша участь будет хуже, чем Ланге, который не успевал ответить на I том Дюринга, как выходил II, III и т. д. Хотя вы меня и уверяли в предыдущем письме, что стали практичны, по, к сожалению, вижу, что вы остались таким же идеалистом (странно, а, может быть, именно потому, что вы ярый марксист—вы же и идеалист!). Вы верите в силу какой-то бесконечной, «полной истины», могущей «увлечь». Это столь же возможно, как то, чтобы Павел сделался Ротшильдом ³⁾, какового, впрочем, намерения он клянется, что не имеет. Да, жаль, жаль, что такой большой заряд вы выпустите (и так поздно). — А ты, брат, совсем, кажется, забыл о своей работе или только мне не написал? Получил ли ты мое предыдущее письмо, в котором я извещал тебя о суде (о «немиловости» его, назначившего мне 13 л. и 4 м. каторж. работ, т.-е. самый высший размер, какой только было возможно). — Не знаю, придется ли когда еще писать вам, дорогие друзья, а потому прощаемся теперь, если не навсегда, то на многие годы. Уцелею ли я, выживу ли

¹⁾ Здесь я намекал на угрожавшую С. Кравчинскому опасность так же, как и я, быть выданным России. Впоследствии, из дел Деп. Пол. я убедился, что, действительно, об этом делались попытки, но Кравчинский уже до получения этого письма переселился к «Фридриху Карловичу», т.-е. в Лондон, где тогда жил Энгельс.

²⁾ Брошюра, о подготовке которой сообщил мне Плеханов, была «Наши разногласия», разросшаяся, как известно, затем в довольно объемистую книгу.

³⁾ Здесь я намекал на начатое тогда Аксельродом вместе с женою, свояченицею и дочерью приготовление кефира для продажи.

13 л. 4 м. кат. раб. — большой вопрос: да это и не может быть желательно. Во всяком случае печальная перспектива дожить до окончания срока, когда будешь расслабленным, одержимым всевозможными болезнями старикашкой. Странно задумываться о 1898 годе. Сколько перемен за это время! Ваши дети будут уже взрослыми людьми; вы все тоже будете клониться к старости. Я иногда стараюсь представить [себе] вас всех в те отдаленные годы. Воображаю, какой смешной старушкой будет Лиза. Также и ты, дорогая, поседешь к тому времени. От всей души, конечно, желаю, чтобы все вы дожили и пережили мой срок каторги¹⁾. Не надеюсь когда-нибудь кого-нибудь из вас увидеть. А как бы мне хотелось, хотя бы и много лет спустя... Не знаю даже, будут ли достигать до меня какие-нибудь вести о вас, о вольном мире. Старайся, дорогая, давать мне знать о себе хотя бы и изредка. Одновременно с этим письмом посылаю тебе швейцарскую кредитную монету в 50 фр., сохранившуюся у меня еще из-за границы: ни в Петербурге, ни здесь, как справлялся смотритель в банках, не хотят ее менять, — не имеют сношений с Швейцарией. Разменяй ее и в конце этого месяца вышли руб. 25 — 30 (не больше) по следующему адресу: Его Высоблагородию г-ну Смотрителю Московской Центральной Тюрьмы для ссыльно-каторжного (такого-то). Не посылай больше, так как боюсь; чтобы и с этими деньгами не вышло чего: ведь мне не везет во всех отношениях. Напиши при этом небольшое письмецо, в котором извести только о здоровьи своем и других близких мне лиц; не забудь же упомянуть о Тамаре. Право, я опасюсь, не захворала ли она. Ну, будь же здорова и бодра. Навещай часто Лизенка: ее я часто вспоминаю, как нежно-любимую дорогую сестру. Кроме удовольствия и добра, мне от нее ничего другого не приходилось получать. То же, конечно, могу сказать о всех других моих друзьях, и, право, мне никогда не приходит на память о вас ничего, кроме приятного, хорошего. Мои пожелания каждому из вас в отдельности вы знаете. Ну, простите же все все неприятное,

¹⁾ Нужно ли объяснять, что в то время, когда я писал это письмо, у меня было ошибочное, неоправдавшееся впоследствии представление о предстоящих мне ужасах каторжной жизни.

что я когда-нибудь причинил кому из вас. Тяжело расставаться с этим письмом. Тяжело на душе. Всех много-много и крепко целую (случилось так, что я уехал, не простившись почти ни с кем из вас). Ну, будьте же здоровы. Не забывайте меня. Ваш по гроб

Лев.

ПИСЬМО ВТОРОЕ ¹⁾

[Из Моск. Центр Перес. тюрьмы, вероятно, в ноябре 1884 г.]

Дорогая, последнее твое письмо я получил в Одесском тюремном замке почти перед самой отправкой сюда. Оно долго странствовало из инстанции в инстанцию, и я уже отчаявался его получить, так как оно застряло у жандармского полковника, но, благодаря вмешательству прокурора Одесского окр. суда, оно, наконец, было мне вручено. Я ужасно рад, что ты чувствуешь себя, очевидно, сносно и можешь заниматься чтением. Меня также очень радуют сообщенные тобою и товарищами (Жоржем и Павлом) сведения об общем положении дел и о ваших работах ²⁾. От всей души, конечно, желаю вам всякого успеха. Что сказать тебе о себе? На новом месте чувствую себя очень хорошо;

¹⁾ Письмо это смазано полутораклористым железом. — очевидно, «цензор» предположил, что я что-нибудь написал химическими чернилами. — Ручкой Аксельрода в левом углу на первой странице написано: «хорошее письмо».

²⁾ Хотя с тех пор прошло 40 лет и писем друзей я не сохранил, но ввиду того, что я их по несколько раз перечитывал, многое из них и теперь удержалось в моей памяти. Мои опасения, что после моего ареста, ввиду непрактичности всех оставшихся за границей друзей моих, они не смогут раздобыть средства как на продолжение начатой деятельности, так и для собственного их существования, к счастью, не оправдались. Арест мой и сопряженные с ним хлопоты друзей об освобождении меня вызвали среди эмиграции, в особенности среди учащейся за границей молодежи, большое сочувствие к группе «Освобождение Труда» (на это, между прочим, указывает последнее письмо Плеханова к Лаврову). В некоторых городах Зап. Евр. начали производиться сборы пожертвований на случай, если баденское правительство, как тогда предполагали, согласится выпустить меня на поруки или когда придется устроить побег, для чего проектировалось приобрести свою лошадь с экипажем.

встретил товарищей по дороге в этап (в их числе Ивана Никол. Присецкого, который идет на 3 года в Восточную), а затем все народ новый, неизвестный, молодой, но симпатичный, хороший. Со всеми ними я, конечно, в самых лучших отношениях. К сожалению, внутри тюрьмы, в которой нам приходится провести вместе $\frac{1}{2}$ года, мы отделены и не имеем возможности видаться. Помимо этого неудобства, я здесь не имею никаких причин пока быть недовольным своим положением, так как заключение почти не оставляет ничего желать лучшего. Книжки имеются, пища хороша, камеры — также, прогулки и все такое. Ты, конечно, уже знаешь об участии, постигшей посланные тобою 100 рублей: будучи отправлены на адрес суда, они были им употреблены на покрытие судебных издержек, а остаток был вручен моим наследникам. Таким образом у меня имеются только оставшиеся от первой твоей присылки. Пока можешь не посылать мне; но имей всегда наготове русские бумажки, руб. 100—150, и, когда я напишу, то вышли мне; но если ты стеснена теперь в деньгах, то как-нибудь обойдусь (при чем, имей в виду, что без всяких сколько-нибудь значительных лишений)¹⁾. Не пишу на этот раз много, так как на-днях только (всего 2 дня) привезен сюда и еще не успел осмотреться, ориентироваться в массе новых впечатлений. Пожалуйста, береги свое здоровье. Пиши, что особенно нового. Шлю сердечнейший привет всем друзьям.

Твой брат Лев.

Адрес мой: Его Сиятельству, князю Василию Васильевичу Оболенскому, Большая Кисловка, дом Базилевского для осужденного, содержащегося в Московской Центральной Пересыльной Тюрьме — такого-то.

¹⁾ Сделанное мною в этом письме описание тюремных удобств было, конечно, чересчур прикрашено, что, вероятно, объяснялось бывшими у меня пред этим опасениями насчет ожидавших меня, в качестве каторжанина, разных скорпионов: в действительности же, в Моск. Центр. тюрьме пища была отвратительная, камеры в знаменитой Пугачевской башне крохотные, полутемные, прогулки — на дворике, на котором едва можно было повернуться. Все же в общем, ввиду господствовавшей свободы и хорошего отношения к нам администрации, о чем я подробно уже изложил в книге «16 лет в Сибири», зимовка в Бутырях, действительно, была одним из хороших периодов в моей подневольной жизни.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

В конце декабря 1884 г.]

Поздравляю тебя и всех близких с заграничным Новым Годом.

Дорогая, письмо твое от 22 нояб. (4 дек.), так же, как деньги — 30 руб. — я получил очень скоро, но не отвечал потому, что все ждал от тебя ответа на первое мое письмо, посланное отсюда (которого ты, быть может, не получила). Также, вероятно, и ты не получила последнего моего письма из Одессы, большого (в два листа), писанного карандашом. Не знаю также, получила ли ты 50 франков, высланные мною тебе из Одессы? — Я ужасно рад, что ты, как общаешь, «чрезвычайно бодрa» и что все родные здоровы. Также приятно мне было узнать, что с Аней ты в хороших отношениях. Передай ей от меня сердечнейший привет и всевозможные пожелания. К ней — она это знает — я питал всегда самые братские чувства и навсегда сохраню о ней воспоминание, как об одном из самых близких, любимых мною людей. К сожалению, даже путем самой невероятной фантазии не могу себе представить того момента, когда свижусь с ней¹⁾, так же, впрочем, как и со всеми дорогими мне. Ну, да бесполезно сокрушаться об этом.

Пока, как я уже писал тебе, я доволен здешней обстановкой. Она во многом напоминает обетановку Дома Предварительного Заключения в Петербурге, — такой же почти величины камеры, такие же койки и пр.; разница лишь та, что здесь нет при тюрьме библиотеки, зато разрешается получать книги из частных библиотек, исключая журналы и газеты. Гулять осужденные (таких пока нас 3) могут вместе до 1½ часов в день; пищу улучшать на свои деньги можем, конечно. Таким образом, как видишь, жаловаться не на что. Грустно только, что не разрешают нам иметь сви-

¹⁾ Эта, казавшаяся мне неосуществимой, фантазия сбылась через 20 лет, когда, будучи весной 1905 г. в Милане, я свиделся с ней и с ее мужем — Турати, но с тех пор больше не встречался.

дания с административными, сидящими в этом же замке, но в отдельном здании. Я, как и Малеванный и Иван Николаевич ¹⁾, идущие на 5 лет в Вост. Сибирь в администр. ссылку, подавали прошения ген.-губернатору о разрешении нам свиданий, но получили отказ. Но наверное разрешили бы видеться с кем-нибудь из родных, если бы они здесь были у меня. Вообще, мое состояние куда лучше, чем было до суда. Не говоря уже о том, что теперь как бы свалилась тяжесть с плеч, — я могу заниматься чтением (что я и делаю), я не изолирован от людей вполне, — есть возможность обмениваться воспоминаниями и впечатлениями; последних, конечно, очень мало, и все они главным образом относятся к прошлому, давно минувшему. Вообще, как здесь, так и по дороге сюда мне пришлось узнать (и испытать) много нового, неожиданного. Отчасти я уже сообщал тебе об удовольствии, доставленном мне совместным путешествием с Малеванным (и другими 6 административными). Разговорам и рассказам не было конца: в продолжение двух суток я буквально не смыкал глаз, и так как собеседники приставали ко мне с просьбами «рассказывать», то, подъезжая к Москве, совсем лишился голоса, — до того охрип. В Киеве все те же почти порядки, что были и в наше время: в тюрьме, почти всегда переполненной нашим братом, заключенные пользуются теми же льготами, власти так же предупредительны и вежливы, молодежь большею частью так же впечатлительна и неопытна. Ты, конечно, читала в газетах о беспорядках в Киевском уни[верситете] во время 50-летн[его] юбилея и о последнем бывшем там процессе 12-ти, по которому 4 приговорены к каторжным работам. Особенно интересного, что бы стоило описать, я, конечно, не узнал. — Что же у вас нового? Слышал, что немцы ²⁾ провели 25 депутатов. Правда ли это? Вообще, ужасно хотелось бы знать, что делается на Западе. Сообщи, насколько можешь. Хотелось бы также получить последние литературные новинки. Кстати, пришли мне некоторые дозволенные у нас произведения французских и немецких классиков (кроме Мольера и Шиллера,

¹⁾ Присецкий, мой старый знакомый.

²⁾ Я, конечно, имел в виду социал-демократов

которые у меня имеются); а также я хотел бы иметь такой альбом, какой, помнишь, я послал Якову ¹⁾. Если не стесняешься в деньгах, то пришли мне также такую же теплую куртку (буржуазку), какую я ему послал, но из более дорогих. Книги и письма высылай на адрес Его Сиятельства, князя Оболенского (Большая Кисловка, дом Базилевского), а теплые вещи на адрес Г-на Смотрителя Московской Центральной Пересыльной Тюрьмы. Пиши же, как вы всеживаете и о каждом в отдельности. Что подельвает Жорж, Роза и их дети? Павел, Надя и их чадо? Лизенку все собираюсь написать особо. Где тетушка Сара ²⁾ и как она поживает?

А ее родня, несмотря на всевозможные несчастья, постигшие их, все же сравнительно благоденствует и размножается ³⁾. Нельзя совсем сказать того же о Сауле ⁴⁾, который, как говорят, оставил по себе очень дурную память, так как будто бы все его обещания остались невыполненными. — Ну, крепко и много целую тебя и всех близких.

Твой Лев.

Это письмо также подверглось исследованию, нет ли в нем химического текста. Но в следующих уже не видно этого эксперимента, — очевидно убедились, что я не прибегаю к химии.

¹⁾ Стефановичу.

²⁾ Так мы называли в шутку Марию Николаевну Ошанину.

³⁾ Под ее родней я, понятно, имел в виду — ее единомышленников — остатки «Народной Воли». Под «размножением» я имел в виду оживление среди них, вызванное приездом в Россию Германа Лопатина (до его ареста).

⁴⁾ Саулом назывался наш единомышленник; молодой марксист, Гриффест, бывший член минской группы «Черн. Пер.», эмигрировавший в 1881 г. в Швейцарию, — одним из первых приставший к нам, когда мы основали группу «Освоб. Тр.». Это он, отправившись в Россию для агитации в пользу наших взглядов и целей, торопил меня со скорейшей присылкой транспорта с нашими первыми изданиями, на чем я и впадал в Фрейбурге. (Подробнее о нем см. воспоминания И. Гецова в Сборнике № 1.)

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ *)

[1885 г. 26 янв. (6 февр.)].

Позавчера получил твоё письмо, дорогая сестра, вчера — теплые вещи, за которые, к крайнему сожалению, пришлось заплатить в таможду 10 руб. золотом, — вероятно, этого сама куртка не стоит; альбома же до сих пор нет. Сообщи, на какой адрес ты его выслала, справься на почте, дошел ли до русской границы? Очень буду огорчен, если он пропал: я его жду с большим нетерпением как приятное воспоминание о любимых местах. Ты, вероятно, сама представляешь себе, каксе отрадное впечатление произвели на меня твоё (и Павлово) письма: я читал и перечитывал их много раз. Судя по этому письму, ты не в дурном настроении, а это — главное. Жаль все же, что ты мало общаешься о своих занятиях и планах. Очень обрадовала меня твоя уверенность, что «никакие беды и опасности не грозят» вам¹⁾. Из предыдущего твоего письма, в котором ты сообщала, что «стеснена в деньгах», я заключил, что в этом причина медленности появления в печати работ Жоржа и Павла и, вообще, неблестящего положения ваших планов. Я не имею достаточных данных, но мне все же кажется, что мои опасения верны. Ты не сообщаешь, увеличивается ли ваша семья, кроме тех двух особ вашего пола?²⁾ Главное же в том, что здесь нет никого из родных³⁾ и, по уверению тех, с кем мне здесь пришлось говорить, после неудачного дебюта Финстера⁴⁾, всякого встретят с предубеждением. Сообщи, как тебе кажется, верно ли это? Правда ли, что Саул не исполнил взятых им на себя поручений? Я здесь беседовал с его знакомым, фармацевтом, с которым, как утверждает последний, они сошлись. Передай ему мой привет и всевозможные пожелания. Я, конечно, очень рад сообществу Ив. Ник.⁵⁾ Мы с ним и с Малеванным, которого также на-днях перевели в нашу башню, чаще всего вместе; с последним, — хотя мы и не были знакомы на воле, — мы успели хорошо сойтись еще по дороге сюда из Киева. Он мне очень нравится, — хороший он товарищ. О теоретических разногласиях с ними, как и с другими 10-ю (едино-

*) Все выноски в конце этого письма.

мысленниками Павы) ⁶⁾ мы очень редко говорим и, вообще, со всеми живем в полном мире и согласии, — парни все симпатичные, неглухие. Не могу, к сожалению, похвастать, чтобы читал много, хотя и хотелось бы, но, после долгого молчания в предварительном заключении и изолированности от людей, у нашего брата является сильная потребность проводить время в «беседах за чаями», — совсем как в доброе старое время. Теперь я и Иван Николаевич читаем «Происхождение семьи и пр.» Моргана, в изложении Фридриха Карловича. Признаться, судя по заглавию и вашим с Павлом отзывам, я ожидал большего, точнее — не вижу, что в этом «Erschermachendes», как заявляет Фридрих Карлович. Впрочем, я ее сегодня лишь начал читать. Я не знал, что ты выслала мне в Питер такую массу книг, — ужасно досадно, что их мне не отдали. Уже несколько недель тому назад я писал отсюда директору департамента, прося его распорядиться о высылке мне тех 10-ти, которые Павел послал в 1-ый раз, перечислив названия; но пока ответа не получил. Если можешь припомнить, то сообщи заглавия остальных: я буду еще и еще писать. Решительно не понимаю, почему прокурор Петерб. суд. пал., на адрес которого вы послали, не вручил их прямо мне. Пока не вышлай мне больше. Я уже, кажется, писал тебе, что приобрел последнее издание «Капитала», чему несказанно рад. У Ивана Николаевича есть то же самое Родбертуса и — «Zur Beleuchtung», которые я еще не успел прочитать. — Носятся слухи, что на Каре нет (или очень мало) книг. Что об этом пишет Дмитро? И вообще, что он пишет? Прошу Лизу сообщить мне все, что она знает о нем. Я ей писал (уже давно) отсюда: получила ли она то письмо? В нем я описывал ей мою поездку сюда. Фанни ⁷⁾ передай, что может не называть меня никак в письме, если только из-за этого она «затрудняется» писать, — письму же ее я был бы очень рад. Как они устроились? Как чувствует она себя среди чопорных англичанок? Надеюсь, Кит ⁸⁾ не отплясывал трепака за 80 ф. ст., — да, смешное предложение. — От Сашеньки ⁹⁾ получил на-днях письмо с предложением оказывать мне посильную помощь. Хотя я пока решительно ни в чем не нуждаюсь, все же ужасно рад ее готовности. Сомневаюсь, чтобы ей разрешили видеться со мною, что, ко-

нечно, доставило бы мне большое наслаждение. — Ты права, думая, что хорошо сделала, не передав моих «прощальных слов»¹⁰⁾, я тогда не сообразил, какое это неприятное для тебя поручение и, вообще, для всех вас. Но раз случилось бы так, что все вы помирились бы с теми лицами, то можешь, конечно, передать и мои слова. Не потому, как видишь, я нахожу теперь это поручение неудобным, что «те не поняли бы», а я вас ставлю этим в неловкое положение. Тогда я не сообразил этого, потому что, как знаешь, был сильно расстроен и должен был торопиться с отсылкой письма, но помнил, что в последнее время на воле имел намерение, при известных обстоятельствах, помириться, какового случая, знал, уже более не представится. — Передай (через Фанни) Мих. Петр.¹¹⁾, что Малеванный писал ему из Киева и отсюда и удивляется, почему не получает ответа. Он и Иван Николаев. шлют ему поклоны и всякие пожелания. Они очень рады, что он «никого не трогает», и уверены, что и впредь никого не затронет. — Пиши же, дорогая, что делаешь, что читаешь, выдаешься ли с людьми, кроме своих? Не могу сообразить, что «случилось, вследствие чего твои отношения с семьей стали гораздо лучше»¹²⁾; но во всяком случае, меня очень радует, что ты «не чувствуешь себя такой одинокой». — Знаешь ли все подробности о моем процессе? Не помню, получила ли ты все мои письма из Одессы? Сообщи, что об этом было в иностр. газетах и, вообще, о моем аресте?¹³⁾. — Кто работает с Рольником?¹⁴⁾. Как он поживает, — кланяйся ему от меня. Здорова ли Ванда и что подделывает, а также и Андерс?¹⁵⁾. Где Аня? Здорова ли она, учится ли, виделись ли вы с нею? Пусть она как-нибудь напишет мне хоть немного. Надеюсь, ты передаешь ей, как и другим приятельницам, мои поклоны и пожелания. — Роза¹⁶⁾, вероятно, снимала детей; если да, пришли их карточки. О ней мы часто говорим с Иваном Николаем и постоянно «фалим», как выражался Дмитро. Жоржа тоже, но Ив. Ник. не так усердно, как я. Он просит передать всем вам, в особенности Розе и тебе, всевозможные пожелания и приветствия. То же, я уверен, не забудете и вы, сударыня, сделать. Ну, будь же здорова и бодра, дорогая. Не забудь же ответить на все мои вопросы и передай мои пожелания и сердечные поклоны всем приятелям и приятельницам:

Розе, Лизе, Ане, Фанни, Ванде, Андерс, Вере Сем., Киту, Финстеру, Рольнику, Ивану и др. — Жоржу и Павлу пишу особо.

Дорогие друзья, чувствую сильнейшую потребность, хоть письменно, побеседовать с вами, когда лишен навсегда возможности сделать это устно. Какое удовольствие доставляли мне живые беседы с вами, — вы это сами знаете. Мысленно я и теперь очень часто с вами. Мне живо представляются разные встречи, случаи и всякого рода мелочи из жизни с вами. (К сожалению, не припоминаю всех ваших удачных острот, милый Жорж, но многие и теперь помню.) Предполагаю, что вам подчас бывает очень тоскливо: хочется, вероятно, домой, на родину, еще сильнее, чем в последнее время при мне? Но лучше потерпите, дорогой друг, — еще не наша полоса. Ужасно хотелось бы прочитать вашу книжку ¹⁷⁾, но, увы, сомневаюсь, случится ли это когда-нибудь. Судя по сообщениям Веры, вы много над ней работали, изучили много отраслей русской народной жизни. (Кстати, вы, конечно, читали о частых волнениях ¹⁸⁾ в последнее время среди рабочих Московской и др. губерний?) С кем же вы теперь спорите, «подитиканствуете»? Читаете ли рефераты? Видитесь ли с геноссами? ¹⁹⁾ Неужели Фридрих Карлович не успел еще приступить к изданию II тома [Капитала] или и он умрет, предоставив третьему старику (Папе Беккеру, напр.), в наследство все рукописи Маркса и свои? Что за медлительные старички! Сообщи, Павел, что знаешь о времени выхода II тома. Очень благодарен тебе за письмо. Об успехах немцев в деталях я не знал. Интересно, сколько, вообще, считается теперь за ними голосов? В скольких тысячах расходится «Соц.-Дем.»? Каково теперь положение их депутатов в рейхстаге? Я слышал, что он недавно предоставил правительству право арестовывать некоторых, кого же именно? Думаю, что процесс лейпцигских анархистов и убийство Румфа сильно на них отзывается?—Рад я очень, что ты вылезашь из бедственного экономического положения. Но мне как-то все не представляется, что ты, Павел, которого я привык видеть вечно нуждающимся, вдруг будешь сыт, одет, обеспечен. От всей души, конечно, желаю тебе блестящих успехов как на финансовом, так и на

ученом поприще. Те же пожелания шлю и вам, Надя. Будьте же счастливы, дорогие друзья! Пишите хоть понемногу. Кланяйся, Павел, Саше и др. цюрихским товарищам.

Обнимаю вас крепко, крепко Ваш Л. Дейч.

Что подделывают французы? Гэд и Лафарг? А где Петр Алексеич и Готье? Пишите впрямь по следующему адресу: Его Сиятельству, Московскому Вице-Губернатору, Г-ну князю Голицыну, Покровка, в собств. доме, для такого-то.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМУ 4

¹⁾ Под «бедами и опасностями» мы понимали, с одной стороны, финансовые затруднения для ведения начатых гр. «Осв. Тр.» литературных предприятий, а с другой — вследствие все более надвигавшейся в России реакции, — давление со стороны нашего правительства на Швейцарию по отношению права жительства Плеханова и Веры Ивановны Засулич. Мы знали, что, нажми наше правительство, и эта крохотная демократическая республика выгонит нежелательных Александру III эмигрантов. Как известно, спустя 2—3 года эти мои опасения оправдались: Веру Ивановну и Георгия Валентиновича, действительно, изгнали из Швейцарии. Также и материальное положение моих друзей, в связи с усиливавшейся в России реакцией, становилось год от году все хуже.

²⁾ Т.-е. прибавилось ли число новых членов в основную группу «Осв. Тр.». — Как известно, первоначально нас было пять, и только после моего ареста были включены еще: Анна Макаревич-Турати (урожд. Розенштейн) и Ванда Цезарина Войнаровская.

³⁾ Под родными я подразумевал наших единомышленников.

⁴⁾ Делегат — Саул, Гринфест.

⁵⁾ Уже упомянутый мною Присецкий.

⁶⁾ «Пава» также была данная нами кличка М. Н. Ошаниной; под ее «единомышленниками» я имел в виду народовольцев.

⁷⁾ Фанни Марковна — жена С. М. Кравчинского (Степняка).

⁸⁾ Кроме «Тамары», мы называли еще Степняка «Китом». Что касается «отплясывания трепака», дело состояло в следующем: Вера Ивановна сообщила мне, что, вскоре после переселения Кравчинского в Лондон и быстро приобретенной им там большой популярности, какой-то импрессарио [предприниматель] предложил ему «отплясывать» национальный русский танец в одном театре за плату в 80 ф. ст. за каждое выступление, от чего Кравчинский, конечно, отказался.

⁹⁾ Сестра Веры Ивановны — Александра Ивановна Успенская, жившая тогда в Москве.

¹⁰⁾ Под «прощальными словами» мы понимали данное мною ей в одном из предыдущих писем поручение передать от меня поклоны на прощанье некоторым эмигрантам, с которыми у членов гр. «Осв. Тр.»

установились враждебные отношения (Драгоманов, Ошанина, Тихомиров и др.).

¹¹⁾ Мих. Пет. Драгоманов.

¹²⁾ Впоследствии я узнал, в чем была причина. Как я уже сообщил в предыдущем Сборнике, Вера Ивановна была очень недовольна вновь принятой, по предложению Георгия Валентиновича, Вандой Войнаровской. Из-за этого несколько изменились ее с ним отношения. Но спустя короткое время, этот не подходивший во многих отношениях новый член вышел из состава группы «Освоб. Труда». После этого дружеские отношения между Верой Ивановной и Георгием Валентиновичем еще более усилились.

¹³⁾ На это она не ответила.

¹⁴⁾ Заведывал нашей типографией; он же — Левков (см. о нем в воспоминаниях И. Гецова).

¹⁵⁾ Андерс или Урсу эмигрировал за границу при содействии Сергея Дегаева, о предательстве которого она ничего не знала. Хотя она разделяла взгляды народолюбцев, но согласилась работать в нашей типографии и была с нами в прекрасных отношениях.

¹⁶⁾ Роза — Розалия Марк. Плеханова.

¹⁷⁾ Я имел в виду книгу «Наши разногласия», которую вскоре затем мы получили в тюрьме, конечно, нелегально.

¹⁸⁾ Я, конечно, имел в виду стачки, устроенные Моисеенкой.

¹⁹⁾ Т.-е. с немецкими социал-демократами.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

8. III. 1885 г. Москва.

Дорогая! Уже почти два месяца, как я ответил тебе на твое последнее письмо; недели 3—4 назад я послал другое, и все же до сих пор от тебя — ни строчки. Решительно не знаю, чем это объяснить! Прежде я приблизительно раз в месяц получал от тебя по письму. Не думаю, чтобы начальство не пропускало твоих ответов, так как, в таком случае, оно уведомило бы меня, чтобы я напрасно не писал. Незнание о тебе и других близких вызывает во мне всякие тревоги и опасения. Опасаюсь, не случилось ли чего с тобою? Но, в таком случае, мог бы Павел, Жорж, Лиза написать мне. Боюсь, что вдруг и до самого отъезда не получу от тебя письма. С другой стороны, не допускаю, чтобы ты не постаралась так или иначе дать мне знать о себе. Полная неизвестность о тебе связывает мне руки, — не знаю, о чем писать. К тому же, в жизни моей, конечно, нет ничего нового. — Отвечай же поскорей, прошу тебя, — буду ужасно рад, если все мои опасения

окажутся напрасными. Шлю сердечный привет всем близким. Целую тебя крепко.

Твой Лев.

Ответ пришли заказным письмом.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ ¹⁾

1889 г.

Примечание. Огромный пропуск писем объясняется исключительно исчезновением их из архива Веры Ивановны: в течение предшествовавших четырех лет я отправил массу писем.

Дорогие мои! Недавно, сравнительно, послал Вам большое письмо и не получил еще извещения, дошло ли оно; опять берусь за перо, хотя не о чем, собственно, писать пока. Но ты, Марфа ²⁾, беспокоишься обо мне, судя по последнему твоему письму. До тебя, очевидно, дошли уже известия о бывшей в наших местах эпидемической болезни ³⁾, окончившейся шестью смертными случаями (в том числе бедная Маруся ⁴⁾), и ты опасаясь за мое здоровье? Но положительно уверяю тебя, что меня (да и всех переживших эпидемию) нисколько не коснулась болезнь; болезнь эта не внесла никаких особенно дурных последствий ни в наше физическое состояние, ни во внешнюю обстановку. Вскоре после смертных случаев все вошло в обычную однообразно-монотонную колею, как будто ничего особенного не случилось. Начальство, ввиду этой болезни, хотя и не приняло никаких предупредительных мер, но зато и не проявило никакой требовательности к исполнению нами ненужных формальностей. Оно прямо не уничтожило недавно объявленной нам инструкции, но все же дало понять, что

¹⁾ Настоящее, как и следующее, письмо было отправлено не через начальство, а — конспиративно, поэтому оно написано аллегорически, иносказательно, чтобы, в случае если бы оно было перехвачено, невозможно было бы догадаться, кто и кому писал.

²⁾ Это была революционная кличка В. И. Засулич.

³⁾ Под этим я имел в виду — массовые самоубийства, произошедшие в мужской и в женской политических тюрьмах на Каре после совершенного телесного наказания Н. Сигиды (см. мою книгу «16 лет в Сибири»).

⁴⁾ Марья Павловна Ковалевская — мой, а также Веры Ивановны сочлен по киевскому бунтарскому кружку (см. мою кн. «За полвека»).

она более не будет применяться¹⁾. Таким образом, как видишь, снова настала серая будничная жизнь, что, конечно, лучше, чем жизнь, полная бурь и тревог. Ты упоминаешь, что какая-то барыня из наших мест сообщала своей приятельнице о нашем положении и обстановке, и это письмо заставляет тебя опасаться, что брат Евг.²⁾ (юрист) не получил ни твоих писем, ни книг. Не знаю и никак не могу догадаться, что это за барыня? Но, как видишь из вышесказанного, ты напрасно беспокоишься и смело могла и писать и посылать ему все, что он просит. Правда, носятся слухи, что весь наш штаб будет переведен в другое место, но слухи эти носятся уже несколько лет, и окончательно нам ничего не объявляли. К тому же, если бы и состоялся перевод, то все же ему перешлют то, что получится по старому адресу. Ты видишь, что совсем напрасно мешкала с исполнением его просьбы. Если бы ты видела, с каким нетерпением и он и я ожидали получения от тебя известия о нашем юридическом сочинении³⁾, — ты, я думаю, более обстоятельно передала бы свое мнение о нем. А между тем, ты, хотя и говоришь, что «трактат» очень интересен, но по существу почти совсем не касаешься его. К тому же, кажется, ты не совсем верно поняла его. Так, ты говоришь «брат⁴⁾ не любит Гегеля и огорчается, что некоторые писатели его иной раз цитируют». Насколько я знаю, он лично вовсе не любит этого философа, а лишь находит нужным считаться со вкусами читающей публики. Раз, — основательно или неосновательно, другой вопрос, — с 60-х годов явилось враждебное отношение к этому мыслителю, то частым напоминанием о нем не рассеешь этого чувства, а, наоборот, в виде реакции против чрезмерного

¹⁾ Как известно, перед наказанием Сигиды нам была прочитана инструкция о применении к нам телесных наказаний; после произошедших в тюрьмах массовых самоубийств нам намекнули, что впредь не будут применять их.

²⁾ Ради конспирации я о себе писал в третьем лице, употребив мою революционную кличку и дав себе звание «юриста».

³⁾ В книжке «Юрид. Вестника» я описал между печатными строками посредством химических чернил Карийские трагедии.

⁴⁾ Под «братом» Вера Ивановна имела меня в виду, так как я писал ей и Георг. Вален., зачем он часто ссылается на Гегеля (в получившихся Сборниках «Социал-Демократ»).

превозношения этого (во всяком случае во многом ошибавшегося) философа, — вызовешь скорее упорное нежелание признать и то, что левые гегелианцы ¹⁾ проповедают. Не знаю, поняла ли ты меня, но мне очень странно, что ты делаешь такое заключение: «Как будто не все делают и должны делать так, кто убежден в чем-нибудь?»... «и ты встарину, помнится мне, придерживался таких же мнений». Странно! Неужели из моих писем не явствует, что я не только ни на иоту не отказываюсь от левого гегелианства, но даже еще более укрепился в нем, — более, чем прежде, понимаю его. И все же признаю практически необходимым считаться с предубеждениями, а если хочешь уничтожить их, то [достигнуть этого можно] не голословными ссылками на «заслуги» Гегеля, а обстоятельными разъяснениями, в чем [состоят] эти заслуги. Но последнее вовсе не особенно важно и интересно теперь, — это имеет лишь историческое значение генезиса идей «левых», а кому из наших читателей это важно? Но оставим это. — Ты очень расхваливаешь новое произведение левого гегелианца ²⁾. Мне, конечно, чрезвычайно интересно поскорее познакомиться с ним. Но, признаться, я заранее уверен, что оно, подобно предыдущим, произведет дурное впечатление на сослуживцев ³⁾, в чем, впрочем, и ты не сомневалась. Но, по твоим словам, у вас оно вызвало большой интерес, оживление. Это меня лишь отчасти радует. Говорю «отчасти», потому что все же не могу не видеть в этом «оживлении и интересе» лишь бурю в стакане воды. После 6—7 лет литературной деятельности, нельзя особенно торжествовать, слыша, что успех ограничивается несколькими десятками единомышленников (надо к тому же знать еще каких?), а большинство читателей является противниками, всюду

¹⁾ Левыми гегельянцами, а также «геноссами» (товарищи — по-немецки) мы ради конспирации называли социал-демократов.

²⁾ Под этим Вера Ивановна, по всей вероятности, имела в виду брошюру Плеханова против Тихомирова (его ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером») «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова», вышедшую в 1889 г. (см. Сочин. Г. Плеханова, т. III, стр. 45).

³⁾ Т.-е. моих товарищей по заключению, являвшихся народолюбцами.

ищущими аргументы для возражений. Утешительного в этом мало. Впрочем, проживем — увидим. Во всяком случае, не подумай, что я пессимистически смотрю на вашу литературу: я лишь жалею,...

[Второй половины этого письма не оказалось в архиве.]

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

(из тюрьмы. конспиративное.)

[Карийск. 1890 г. апреля 6.]

Дорогая сестра! На-днях я получил твое письмо, в котором ты сравнительно довольно подробно описываешь свою морнейскую жизнь, — как целый день проводишь в занятиях, в чтении и писании, не выдаешь по месяцам ни с кем, кроме Тюрки ¹⁾. Я рад и не рад такому образу жизни: мне приятно, что ты, повидимому, приучилась к интенсивному серьезному труду, что работаешь производительно и находишь, очевидно, удовольствие в таком времяпрепровождении; но боюсь, что такой образ жизни скверно отзовется на твоём здоровье: ты и раньше уже жаловалась на грудь, на частые лихорадки. К тому же полное отсутствие встреч с людьми, если и не превратит тебя в «ведьму одичалую», как ты пишешь, — все же может отразиться на твоём состоянии, настроении. Не думаю, чтобы и для занятий была бы выгодна такая изолированная, уединенная жизнь: даже встречи с пустыми, мало интересными людьми, всякий обмен мыслями освежающим образом действует благотворнее полного, хотя бы и «добровольного одиночества». Нет, дорогая, напрасно ты думаешь, что «можешь жить только так или никак». Эта мысль меня очень огорчает, но я надеюсь, что ты только пока так думаешь, что, быть может, ко времени получения этого письма ты уже изменишь свой образ жизни, — не будешь избегать людей, найдешь возможность соединять серьезные занятия с разнообразием от бесед с другими, кроме Жоржа. Ужасно жаль, что в этом письме ни словом не касаешься содержания

¹⁾ Собака.

своих занятий, тем своих произведений, — мне бы это доставило большое удовольствие. Ты знаешь, что, кроме вообще присущего мне интереса к теоретическим вопросам, мне особенно было бы приятно знать, какие именно тебя занимают. Допустим, даже, — хотя это очень сомнительно, — что я когда-нибудь «сам прочту», как ты надеешься, все тобою написанное; но неужели ты не представляешь себе, что даже краткое изложение, самый слабый намек на то, чем ты занимаешься, мне было бы приятно узнать как можно скорее, а не через многие, быть может, годы? Я согласен, что при твоём образе жизни у тебя немного тем для писем; но ты и теми не пользуешься, какие имеешь. Ты, напр., вовсе не упоминаешь о старых знакомых и приятелях, даже в двух-трех словах не сообщаем о заведении Рольника ¹⁾, — на какие средства оно существует, сколько там работает человек и пр. Даже о самых близких людях: о Жорже, Павле, Розе, Лизе ты лишь вскользь упоминаешь, и из твоих сообщений решительно нельзя составить себе никакого представления об их жизни. Но если ты, действительно, научилась не только говорить, но и переписываться, если составление письма для тебя трудная задача, для решения которой ты должна принуждать себя, то я, конечно, предпочитаю получать от тебя лишь краткие сообщения о твоей жизни и здоровья и несколько не буду в претензии за отсутствие подробных, но высиженных писем, к тому же могущих надолго отрывать тебя от твоих занятий. Ты отчасти права, говоря, что у меня, если и не «во 100 раз больше тем для писем», то все же больше, но не потому, что я «живу на людях»: живи я даже совершенно один среди четырех стен, думаю, у меня находилось бы довольно материала для бесед с тобою и Дмитрием ²⁾, раз только вы интересовались бы моими сообщениями. Буду и впредь, при всяком удобном случае, писать тебе большие послания; я и теперь готовлю такое. Не знаю только, получила ли ты недавно, сравнительно, посланное, — месяца

¹⁾ Это означало устроенную мною типографию для группы «Осв. Труда», в которой работал т. Рольник и где печатались произведения моих друзей.

²⁾ Стефанович.

три-четыре тому назад. У нас, как громадные пространства кажутся небольшими, так и время считается малым, когда вам, живущим в Европе, оно показалось бы очень большим. Ты, напр., удивляешься, что поздравление с новым 1889 г. получила очень поздно, а у нас это почти в порядке вещей. Переписываешься ли с Маней? Знает ли она твой новый адрес? Присылает ли юридич. жур.? ¹⁾ Мне она уже давно не пишет, хотя я посылал ей и письма и телеграммы. На последние она всегда отвечает телеграммой же, что здорова и шлет мне письмо, а его я все же не получаю. Неисправима она! Раз ты получила мое предыдущее послание, то уже знаешь обо всем новом, происшедшем в нашей жизни за последнее время. О новейшем периоде узнаешь из ближайшего большого послания. Пока скажу в немногих словах, что неказиста наша жизнь, много в ней безотрадного, грустного. Между прочим, ты, вероятно, знаешь уже о том, что Маруся ²⁾ окончила жизнь самоубийством с тремя другими своими приятельницами. У нас тоже было два смертных случая и несколько попыток. Теперь какая-то эпидемия на всевозможного рода смерти. Об этом ты, вероятно, знаешь уже из газет; напрасно только ты не следишь за ними аккуратно, как ты сообщаешь. Слухи о нашем перемещении становятся все упорнее и настойчивее. Может быть, когда получишь это письмо, мы будем уже на новом месте. Разбирает опасение, как бы там не было еще хуже, чем здесь. Впрочем, бог милостив. Временами я бываю совершенно равнодушен к тому, что ждет нас впереди, но иногда находит тревога, и тогда чувствуешь себя скверно. Это особенно часто случается в последние месяцы: может быть, вследствие картин смертей, а то и ввиду разлуки с Дмитрием и предстоящего полного одиночества, при вечной жизни на людях. Хороших знакомых среди 35 чел. у меня есть несколько, но ни с одним не близок скольконибудь. Для последнего мне необходимо не только, чтобы

¹⁾ В журнале «Юрид. Вестн.», как я уже сообщал, я химическими чернилами, между строк, писал огромные письма и даже статьи. Затем пересылал эти книжки в вольную команду, откуда их отправляли моей сестре Марии Григ. Афанасьевой в Уфу, или А. И. Успенской в Москву, а они отправляли их Вере Ивановне за границу.

²⁾ Марья Павловна Ковалевская.

характер данного лица был мне симпатичен, но чтобы вполне сходилась и в воззрениях, а такого совпадения здесь нет. Очень может быть, как Дмитро говорил, я сам отчасти виноват в том, что отталкиваю от себя многих своей манерой спорить; но, право же, вечно приходится слышать такие ограниченные взгляды по поводу многих вопросов, что невольно теряешь всякую способность сдерживать себя. Для иллюстрации приведу, напр., следующие глубокомысленные воззрения, разделяемые многими: «Геноссы собирают из «Капитала» только плевелы, пшеницу же в нем берут другие». Эти «другие» — кто бы ты думала? Сторонники Петра Алексеевича, Мишки ¹⁾ и, вообще, все те самобытники, которые вовсе не понимают «Капитала» Маркса, да в сущности все отрицают, кроме произведений В. В., Глеба Ивановича, Михайловского и т. п. самобытных философов. Жорж и Павел поймут мое положение здесь, когда они представят себе, что мне приходится жить в сообществе нескольких десятков Федершеров, Корнфельдов ²⁾ и т. п. Да и те, пожалуй, живя в ваших условиях, пообтесались, отказались, быть может, от многих ошибок и заблуждений. Но, если не касаться воззрений, то многие очень симпатичны и вообще хорошие люди. А можно ли не касаться убеждений? Вот теперь, ввиду происходящих у немцев и вообще за границей событий, почти непрерывные разговоры, дебаты. И боже, боже, чего не услышишь! Жорж на моем месте давно со всеми перегрызся бы, хотя кое-кого, быть может, и перетянул бы на свою сторону. Но «пшепустим» (оставим) это, как говорят у нас (много у нас своих словечек, — некоторые очень удачные). — Меня, Павел, ужасно интересует ход дел геноссов, из получаемых нами источников очень мало можно почерпнуть, к тому же часто попадаются сомнительного свойства известия о них. Письма твои всегда доставляют мне большое удовольствие; пиши, брат, и впредь (только не можешь ли поразборчивее: не для меня, конечно) как о них, так и о себе, о своих заня-

¹⁾ Петр Алексеевич — Кропоткин; «Мишка» — кличка Дебогория Мокрневича.

²⁾ Молодые народовольцы, околавившиеся в мое время за границей, малоразвитые, не блиставшие умом, но любившие спорить и возражать нам, марксистам.

тиях, о семье и знакомых. Поверь, что я действительно интересуюсь всем, тебя касающимся, а не говорю это только для проформы. Дмитро сообщит тебе об участии присланных тобою книг — «Neue Zeit» и др., — тогда сообрази, как впредь снабжать меня аналогичными. Гегеля, по прочтении, пришли мне: его, к слову, большинство здесь, конечно, не читавши, считает чуть ли не идиотом! Думаю, после отъезда Дмитра, вплотную засесть за занятия, — в последнее время я сильно отбился от книг, больше пишу ¹⁾, — если только обстоятельства не изменятся к худшему. Глаза мои тоже, чем дальше, тем больше слабеют, — результат, конечно, обстановки. Как бы то ни было, нахожу, что за последние годы кое-что успел, многое понимаю лучше прежнего. «Но к чему это?» — нередко приходит на ум. Может, и лучше ничего не понимать, — быть может, легче себя чувствовал бы. Ну да «пшепустим» и это. — О многом хотелось бы поговорить с вами, дорогие. Но вы понимаете, что это не всегда возможно. Особенно меня интересуют ваши литературные произведения. Я уже сообщал, почему некоторые из них мне не понравились (особенно «Новый защитник самодержавия»). Хотя не знаю, получили ли вы то письмо. Повторять же не хочется. По-моему, как можно меньше полемики, резкости, даже полное игнорирование всяких Павиных, Борисовых ²⁾ и т. п., а исключительно теоретические, исторические и критические статьи, по всевозможным вопросам, принесли бы громадную пользу и вам как авторам, и читателям вашим. Не нравится мне также, что в «Библиогр. отд.» вы вместо ознакомления с другими изданиями полемизируете (напр., о «Вальке Класс»), при чем приводите вовсе не лестные о вас отзывы своих противников (напр., той же Вальки и Ивана Ивановича [Добровольского]). Получается впечатление, будто вы представляете собою травленных собак, огрызающихся на все стороны, и нельзя сказать, чтобы это впечатление было хорошим. Конечно, для верного суждения нужно знать условия, вызвавшие такой характер

¹⁾ Я писал свои воспоминания в «Карийских тетрадах», о чем подробно сообщил выше.

²⁾ «Борисовыми» мы называли заграничных народников, вроде Ив. Ив. Добровольского, выпустившего брошюру «Начало конца», под псевдонимом Борисов.

изданий, но не виноват и читатель, когда, не видя в данном произведении этих условий, делает заключение, что автор просто желчный человек, всем и вся недовольный, кроме себя и своих единомышленников ¹⁾. Повторяю, по-моему, лучше всего полное игнорирование таких противников и исключительно — статьи, дающие теорет[ические] и фактич[еские] сведения. Вот почему больше всего понравился «Очерк междун[ародного] Общ[ества] раб[очих]». Действительно, и содержание и тон автора прелестны: здесь и комар носа не подточит. — Но, довольно о литературе. Павел, сообщите, каковы последние успехи геноссов? Имеют ли они уже последователей среди сельского населения? Много ли у них органов, изданий, какие именно и где? Думает ли Фридрих Карл[ович] когда-нибудь издать третий том и полное собрание сочинение Маркса? Почему бы вам не перевести «Zur Kritik» или хоть бы извлечение из него? Надеюсь, что ты, Марфа, соберешься прислать мне, наконец, французский роман ²⁾. Я с нетерпением жду его с каждой почтой. Может быть, с выходом Дмитра ты вполне поймешь, как мне было бы приятно иметь книги для упражнения во французском языке. Мне много лет еще впереди (около 6—7), и я надеюсь выучить иностранные языки, которых не знаю. — О материальных наших условиях могу сказать, что они не блестящи, хотя жить можно и подчас даже недурно. Пишу немного о нашей обстановке, п[отому] ч[то] несколько раз уже сообщал вам об этом, к тому же от Дм[итра] можете узнать о том, что вам остается неизвестным. Я надеюсь, что вы с ним будете аккуратно переписываться. — Ну, будьте же все здоровы и, насколько это возможно, счастливы. От всей души, конечно, желаю вам, дорогие, всякого успеха в ваших занятиях. Очень хотелось бы, конечно, мне, чтобы и до меня достигал слух об этом. Буду надеяться, что судьба, наконец, будет милостива ко мне и нам удастся когда-ни-

¹⁾ В этом письме я делился своими впечатлениями по поводу сборника «Соц.-дем.», полученного мною конспиративным способом.

²⁾ Во франц. романе между неразрезанными страницами я просил ее написать мне обстоятельное письмо химическими чернилами. Это она и сделала, но, помню, не все ею написанное можно было прочесть ввиду слабого раствора, все же таким образом проникало к нам не мало интересного.

будь снова свидеться и быть вместе. Как бы мне хотелось этого, вы и представить себе не можете, не поживши в моих условиях. Но, что говорить об этом? Не забывайте же меня.

Ваш Л[ев].

Приписка на этом письме принадлежит Стефановичу, находившемуся в это время в вольной команде, которому я из тюрьмы отправил это письмо, а он должен был переслать его за границу.

«Говорят, не раньше мая двинусь в путь ¹⁾. Как только узнаю, где водворен буду, — напишу. Предстоит дорога длинная. Туда, куда ворон костей не заносил. Полгода, если не больше, проведу в путешествии. Теперь живу верстах в двух от Ж. ²⁾. Часто хожу на сопку, чтобы оттуда видеть его, но ни разу не заставал его на дворе. Глаза у меня сохранились, мог бы распознать, да он все сидит, по обыкновению, в комнате. Все, что он пишет насчет твоих занятий и относительно вашей мастерской и ее изделий, сказал бы и я. Хотел бы тоже иметь эти изделия, но об этом — со временем. Ты мне сообщишь, нужен ли для нашего производства в теперешнем моем положении ³⁾. Судя по тому, что мы видели, кажется, надобности нет. Научись, пожалуйста, вразумительно справляться с юриспруденцией ⁴⁾, пригодится. Будь же здорова прежде всего, Лизе не показывай моих фотографий: это ей за то, что она мне своей не прислала. Желал бы знать адрес Марьи Апполосовны ⁵⁾. Жоржа целую и благодарю. Павла тоже, только не за то, за что Жоржа, а за деньги. Сергей молодчина, если это он избобличает начальство севера ⁶⁾. Ж. сейчас беседовал со мною: «весь день, говорит, после твоего ухода как-то странно

¹⁾ Т.-е. на поселение в Якутскую область.

²⁾ Ж. означает Женя или Жеенька, — уменьшительное от моего революционного имени Евгений.

³⁾ Этот Стефанович хотел сказать, что он не прочь сотрудничать в «Соц.-Дем.».

⁴⁾ Т.-е. научиться прочитывать написанное химическими чернилами (в книжках «Юридич. Вести.»).

⁵⁾ Мария Апполосовна Тургенева, жена Чубарова, наша старая приятельница.

⁶⁾ Кравчинский вел в Англии агитацию против русского правительства.

себя чувствовал.., но пока не могу сказать, чтобы меня уже разобрала тоска. Может, это объясняется тем, что сегодня после получения писем от тебя ¹⁾ и Мани—некоторое возбуждение, разговоры по поводу твоего выхода... Встречаясь со мной, тот или другой обыкновенно спрашивает, «что, осиротели?». Ваничка со мною очень ласков. (Это мой любимец, Ив. Старынкевич, но он ссорился с Ж.: я ему наказал жить с Ж. в мире.) До свиданья, целую твою руку.

Твой старый *Дмитрий*.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ ²⁾.

Сентябрь 1890 г. Карийск.

Дорогая сестра! В моей жизни произошла относительно большая перемена к лучшему; 11 сентября меня и многих моих товарищей (24 чел.) выпустили в вольную команду. Ты, быть может, не знаешь, что это значит. Поэтому изложу, в чем состоит эта «Вольная команда». Живем в деревне, мало напоминающей наши русские, так как большинство населения — отбывшие срок «исправления» уголовные каторжане, [далее] батальон пеших казаков, держащих караул в тюрьмах, [а также] всякого рода начальство, военное и гражданское. Деревня эта раскинута в долине, на обширном пространстве, вдоль ничтожной речки Кара, летом почти вполне пересыхающей. Внешний вид этого поселка скорее напоминает плохие наши уездные города, чем село; кроме тюрьмы, казарм, есть лавки и почто-телеграфная станция. Жить мы можем или в собственных хатах, которые можно купить рублей за 50—75—100 maximum каждую, или в предоставленных начальством в наше распоряжение довольно сносных домиках. Пока я вместе с Дмитрием, который наднях уходит, и одновременно со мной выпущенными Лешерн, Фоминым и Мирским нанимаем квартиру, за которую платим 6 руб. в месяц (без отопления и освещения, конечно). Пищу готовим сами группами [или компаниями] и исполняем всякие хозяйственные работы, как рубка дров в лесу, косьба сена для наших двух лошадей, уход за коровами (6-ю) летом

¹⁾ Т.-е. он получил от меня по конспиративной почте письмо.

²⁾ Уже из «вольной команды» через цензуру начальства.

и пр. Работ вообще много и довольно тяжелых, зато, так сказать, живем «на лоне природы» и пользуемся, конечно, бóльшим разнообразием, чем в тюрьме. — Материальные средства почти те же, что и в тюрьме, т.-е. казенный «пак» (3 ф. ржаного хлеба и 40 зол. мяса) и присылки от родных. Но если в тюрьме эти средства были очень скудны, то на воле они еще скуднее. Все же жить кое-как можно. Посторонние заработки очень трудно иметь: если есть здесь спрос, то только на ремесла, да и то крайне ограниченный. Заниматься всякого рода науками возможно, но много времени отнимают разные хозяйственные работы и хлопоты. Всех нас здесь вольнокомандцев 34 человека, из них 4 женщины (Лешери, Корба, Ивановская и Добрускина), не считая 4 вольных жен (Люри, Рехневской, Сухомлиной и Медведевой). Как видишь, колония наша довольно большая, и скучать не приходится, да и некогда почти. Газеты и журналы мы можем получать, как русские, так и иностранные, — были бы только средства на выписку их, раз родственники сами не высылают их. Я бы очень хотел получать какую-нибудь немецкую или французскую газету или журнал. Прошу Павла позаботиться об этом, пусть он пересылает, напр., «Neue Züricher Zeitung» или другую по прочтении (можете высылать под бандеролью раз в неделю несколько №№); то же и ты делай с французскими, напр., «Journal de Genève». Вероятно, нетрудно, — если он сам не получает никакой, — доставать у кого-нибудь из знакомых уже прочитанные газеты или журналы. Письма, газеты и все прочее нужно высылать по следующему адресу: Карийск (Восточная Сибирь, Забайкальская обл.), г-ну помощнику начальника Акатуевской тюрьмы (для такого-то). Теперь мы перешли из жандармского ведомства в общеуголовное, тюремное, и вообще жандармы не заведуют более государственными преступниками. Оставшиеся еще в тюрьме (13 чел., в том числе Зунделевич) переведены в новую тюрьму, — в Акатуй, где они состоят на общеуголовном положении; помещаются вместе с уголовными в одних камерах, работают в рудниках и проч. Положение их незавидное, вероятно, но зато теперь, с переходом в обще-тюремное ведомство, будут выпускать в вольную команду тотчас по окончании срока, между тем как до сих пор, при жандармском заведывании, некоторые

по несколько лет дожидались очереди выпуска, а иные так и уходили на поселение, все время просидев в тюрьме. Я также целый год имел уже право на выпуск и только на-днях выпущен, благодаря упомянутой реформе — замене администрации жандармской обще-тюремной. Всего, как знаешь, со времени ареста (25 февр./9 марта), я пробыл в тюрьме $6\frac{1}{2}$ лет, а на Каре без малого 5 лет. Теперь до выхода на поселение еще остается $5\frac{1}{2}$ лет и, если ничего экстраординарного не случится в моей жизни, то надеюсь не без пользы провести эти годы. Я, как знаешь, и в тюрьме довольно занимался, надеюсь и здесь не терять время напрасно. — Многое пришлось пережить за эти годы, особенно за последний, все же я вышел здоровым и бодрым из тюрьмы, хотя знакомые находят, что я сильно постарел. Впрочем, Дмитро пришлет тебе мою карточку, тогда сама увидишь, но я нахожу, что на ней я лучше, чем в действительности, — красивее и моложе. Пока еще не совсем устроился и осмотрелся в новых условиях, но, благодаря перемене в жизни, новизне обстановки и совместной жизни с товарищами, чувствую себя хорошо. Ощущения, аналогичные тем, какие, бывало, испытывал по окончании экзаменов на каникулах. Но, вероятно, скоро надоеет все же однообразная жизнь, отсутствие занятий и серьезных интересов, как это бывает в провинциальной глуши, вдали от цивилизованного света. Все же, вспоминая еще большее однообразие тюремной жизни, буду находить утешение в настоящей. Об одном прошу тебя, дорогая, пиши как можно подробнее и чаще. Теперь и я могу тебе отвечать в закрытых письмах, каково настоящее (конечно, с просмотром ближайшего администратора — помощника начальника Акатуевской тюрьмы). Сообщи, как тебе живется, что поделываешь сама и близкие — Жорж, Павел, Роза, Аня, Лиза и др.? В последнем письме, полученном мною с месяц тому назад, ты сообщала, что статью Жоржа о Николае Гав[риловиче] [Чернышевском] перевели на немецкий яз. Это известие меня очень обрадовало; мне очень интересно и самому ее поскорее прочитать, о чем, надеюсь, ты позаботишься. Пусть Павел вышлет мне (по вышеуказанному адресу) одну-две книжки, «Neue Zeit» за настоящий год, — я надеюсь получить теперь и раньше высланные №№, вместе и «Jahrbücher

für Socialwissenschaft», за которые, помнишь, мне здесь пришлось уплатить 10 руб. Сообщение твое о геноссах, о раздорах в их среде ¹⁾, об излишней осторожности стариков — очень интересны, но не утешительны. Пиши, чем окончились [эти] разногласия? Меня, ты знаешь, ужасно интересуется все, происходящее в их среде, да и вообще среди родственных. Я надеюсь, что теперь, с выходом в команду, буду получать от тебя более обстоятельные письма. Книжки также высылай такие, которые могут меня интересовать. Передай мои приветы и пожелания всем нашим близким и знакомым. Павлу напишу в следующий раз, а пока перешли ему это письмо. — Ну, будь здорова и, насколько возможно, счастлива, дорогая сестра. Не грусти, не тоскуй, надейся на лучшие времена. Теперь мы все же можем рассчитывать на перемену к лучшему, да и настоящая жизнь довольно сносна, — ты приблизительно верно себе ее представишь, вспомнив свою жизнь в Архангельской губ., во многих отношениях она, вероятно, лучше. Пиши же, родная, отвечай поскорее на это письмо. Крепко целую тебя и всех близких.

Твой брат Лев.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ ²⁾

Карииск. 16 декабря 1890 г.

Дорогая, хорошая сестра моя. Из предыдущего моего письма, посланного недели три назад на адрес Павла, ты уже знаешь о важной перемене в моей жизни — о выпуске меня и многих моих товарищей в вольную команду в прошлом месяце. Тогда же я сообщил в кратких чертах об условиях нашей общей жизни в новой обстановке. Живо представляю себе, как тебя и других близких обрадовали эти известия. Несмотря на шестилетнее пребывание в тюрьме, я — да и все другие — вышел на волю вполне здоровым и бодрым, — только значительно постаревшим, в чем, отчасти, сможешь убедиться из прилагаемой карточки. Одно-

¹⁾ Т.-е. о германских соц.-демократах, среди которых как раз в 1890 г. возникла фракция «молодых».

²⁾ Из вольной команды.

временно посылаю также карточки Якова и Софии¹⁾. Нельзя сказать, чтобы карточки эти были особенно удачны и верны, но сходство большое есть. Снимались мы здесь у заезжего фотографа, путешествующего по всей Сибири. Неверно, собственно, выражение физиономий; Софья, напр., выглядит злою старушкою, хотя в действительности у нее вовсе не такое выражение. Как бы то ни было, думаю, ты будешь рада этим карточкам. Я уже много раз из тюрьмы писал и просил тебя и других близких прислать мне свои карточки, — но тщетно. Вообще, не могу сказать, чтобы вы исполняли мои просьбы и поручения аккуратно: ты, напр., в письмах жалуешься, что никак не можешь подобрать подходящего для меня французского романа, между тем это очень нетрудное, по-моему, дело, и я решительно не могу понять, почему оно тебе не удастся, так как почти всякая книга годится и будет мне интересна: французских книг у меня крайне мало. Ты также обещаешь выслать сочинения Бентама, но не определяешь, скоро ли, а я их жду с большим нетерпением. Мойше²⁾ не присылает более, так как он ушел в Акатуй и неизвестно, позволят ли им получать. Посылать все книги мне так же, как и письма, на адрес: г. помощнику начальника Акатуевской тюрьмы, Карийск (Восточн. Сибирь, такому-то). Недели две назад получил здесь от тебя довольно большое письмо (в 2 л.), в котором ты опровергаешь взгляды брата Жени на литературу левых гегелианцев. Со многим из высказываемого тобою я вполне согласен. Конечно, подделываться под взгляды Павиных и Ива[ана] Ива[новича] не следует, но думаю, что ты несколько преувеличиваешь значение литературы вообще и лево-гегелианской — в особенности. По-моему, создать «умственного течения», как ты пишешь, она сама по себе, без соответствующих фактических условий, которых пока еще нет, не в силах, даже, явись проповедником ее такой гений, как Маркс. Я высоко ценю способности и таланты Жоржа, все же думаю, что ему много вредят его приемы полемики. Впрочем, ты сообщаешь, что в последнем его произведении о Ник[олае] Гавр[иловиче] он очень сдержан и осторожен. Меня ужасно обрадовало

1) Лешери.

2) Мойше — революционная кличка Аарона Зунделевича.

известие, что это его произведение переведено на немецкий яз. и что Каутский и др. хвалят его. Надеюсь и вполне допускаю, что иностранцы вернее оценят его, чем русские, и что он со временем займет одно из виднейших мест среди выдающихся литераторов, а тогда и наши «самобытники» его начнут хвалить и даже, пожалуй, гордиться, что вот, мол, какие у нас таланты: «по всем Европам хвалят». От всей души желаю, чтобы мои ожидания сбылись. Хорошо было бы, если бы он вообще писал цельные, самостоятельные сочинения и давал бы их переводить на иностранные яз[ыки], а не одни лишь журнальные статьи. Прошу тебя в сотый раз сообщить насколько можно подробнее о ваших литературных и материальных делах и условиях: я о них имею очень смутное представление. Теперь, с выходом в вольные команды, когда нам дозволено посылать закрытые письма, буду, конечно, писать тебе подробнее, а потому и ты не скупись, сообщай о всем, могущем меня интересовать. Ты, напр., ни слова не упомянул о процессе Мендельсона, и я лишь из газет узнал о нем. Но мне неясно, неужели все дело заварил ажан-провокактор или это только уловка со стороны подсудимых. Сведения в газетах о геноссах также не очень подробны: из них ясно только, что между ними происходят споры и несогласия и что Бебель и Либкнехт тянут в сторону умеренности и аккуратности, а Шиппель — в крайности, но в чем суть — неизвестно. Особенно интересует меня Шиппель, я читал его немецкую брошюру «Staats-Lohnregulirung» и вынес из нее заключение, что автор — родбертианец, и вдруг — он в крайние попал! Чем объясняют эту его метаморфозу? Вообще, очевидно, на Западе теперь происходят интересные явления, и очень жаль, что Павел не делится со мною сведениями. Мне интересно также, как Фридрих Карл[ович], Лафарг и Гэд проживают, как они относятся к распре между немцев, чью сторону они держали в вопросе о 1-м мая и пр.? В таких случаях Павел прежде бывал довольно обстоятелен, но вот уже год, как он совсем почти не пишет; последнее его письмо (после поездки в прошлом году в Париж и в Лондон) [было] при посылке денег для Якова. Я уже писал тебе в прошлом письме, что был бы очень рад, если бы ты и Павел пересылали мне какую-нибудь франц. и немецкую

газету из больших и хороших. Можете присылать их по прочтении и раз в неделю под бандеролью; то же, если бы вы могли устроить насчет иностранных журналов, было бы очень мило с вашей стороны. О себе, о своем настроении, состоянии, занятиях ты пишешь очень мало, если не сказать ничего... Неужели ты не чувствуешь большой тоски, живя в одиночестве, в Морнэ, вдали от людей? Я не знаю также, каковы ваши материальные условия, откуда вы достаете средства на жизнь и издания? Пиши, дорогая сестра, обо всем, касающемся тебя, близких и старых знакомых; о последних ты вовсе не упоминаешь. Я не знаю, где и что поделывают Анка, Дрезденский юноша ¹⁾, Лиза и др. На Аню я немного сержусь, что за шесть лет не получил от нее ни слова. Жоржу тоже негрешно было бы хоть изредка писать. Ну, да бог с ними: если им трудно написать, пусть не пишут. Теперь надеюсь, после многих лет односторонней и неправильной переписки, восстановить с тобою аккуратные сношения: твоя будет вина, если это не осуществится, так как ты знаешь, я готов писать тебе и уверен, сколь ни бедна моя жизнь впечатлениями, всегда найду достаточно материала для переписки с тобою. Пока еще не пишу о своем житье-бытье, так [как] оно еще не определилось, не устроилось сколько-нибудь прочно. Отчасти тому причиной отсутствие заработка, приобрести который я стараюсь и надеюсь; отчасти [же—] сборы Якова на поселение, что состоится не раньше конца ноября или начала декабря, так как теперь у нас распутица, и даже почта неаккуратно ходит. Большую часть осени мы проводим в лесу — рубим и пилим дрова, запасаем топливо на зиму. Как я уже тебе писал, обо всем приходится заботиться самому, что, конечно, отнимает массу времени. Но зато эти заботы сопряжены с физическими упражнениями в разных обстановках, что очень полезно для здоровья. Особенно приятны, хотя и тяжелы, работы в лесу. Здесь осенью почти всегда стоит хорошая погода: чистое, ясное небо, довольно теплый воздух днем, а кругом бесконечная тайга (лес). В этом не мало поэзии. Но приходится целый день до сумерек быть на сухоядении, при очень интенсивном труде, что сильно утомляет. — До-

¹⁾ Слободской.

машиня обстановка, сравнительно, довольно удобная: в одной комнате — Софья, в другой, большой с диваном, — мы с Яковом. Обедаем в общей нашей столовой, где сами по очереди дежури́м и готовим, отчасти из отпускающихся нам казенных продуктов, отчасти — из собственных покупок. Чаепития, как всегда, занимают много времени. Любовь к маленькому домашнему комфорту и удобствам, после многих лет заключения в тюрьме, во мне теперь еще бо́льшая, чем бывало на воле, но пока, за отсутствием средств, не успел еще ничем обзавестись. Как бы то ни было, но чувствую себя пока хорошо и, конечно, буду стараться не без пользы проводить время на воле. У меня еще нет никаких планов занятий: читаю, да и то немного, — лишь газеты и журналы. На этом закончу письмо. Когда получу от тебя ответ на предыдущее и это письма, надеюсь, наберется материал для нового письма [тебе]... Смотри же, не скупись на письма. (Пиши погуще, не так разгонисто.) Обнимаю всех близких, особенно Жоржа, Павла и Розу, будьте все здоровы.

Ваш Лев.

Передай прилагаемое письмецо Галине [Чернявской-Бохановской].

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Карийск, 1 (13) ноября 1890 г.

Дорогая моя сестра! Недели две тому назад получил твое письмо, но до сих пор никак не мог ответить: мы с раннего утра до вечера занимались рубкой и пилкой дров в лесу. Работа эта довольно тяжелая, к тому же приходилось ежедневно делать 5—6 верст туда и столько же обратно, по скверной, изрытой буграми дороге. Домой приходишь до того уставшим, что ничего не хочешь и не можешь делать. Пока мы закончили заготовку дров в лесу, — напилили и сложили в кучи сажень 150—200. Не знаю, хватит ли на весь год, так как впервые приходится запастись на 25 топков. Теперь предстоит возка их домой, пилка и рубка на месте, что продлится несколько недель. Кроме этой работы, еще приходится возить сено верст за восемь — десять для наших рабочих лошадей (тройки), привозить с речки

кадку воды, раз в две недели для кухни, дежурить по кухне понедельно раз в 7—8 недель. Если к этим обще-хозяйственным работам присоединить наши личные, домашние — топку печей, ставление самоваров и пр., то поймешь, что все время почти, особенно зимою, будет занято физическим трудом, так что о «душе» некогда и подумать. Вот уж скоро два месяца, как я вышел из тюрьмы, а до сих пор не только не прочитал ни одной интересующей меня книги, но даже журналов и газет почти не читал; впрочем, от других знаю, что в них нет ничего интересного. Такой образ жизни, хотя и полезный в физическом отношении, меня не только не привлекает, но даже угнетает: не видишь смысла и цели в вечных хлопотах и заботах о заготовке пищи и тепла, что отнимает значительную часть твоего времени. А между тем, не имея стороннего заработка, нельзя освободиться от этих работ. Зарботка же, как я писал тебе, здесь почти нельзя найти, хотя я еще не теряю надежды. Но довольно о себе и своей жизни. В своем последнем письме ты сообщаешь о выходе 2-го № вашего сборника ¹⁾ и о своей статье по поводу либерального народничества. Меня несказанно радует, что ты, повидимому, стала заправским литератором и у тебя является тема за темою. С каким бы я наслаждением прочитал твои произведения, дорогая сестра! Я заранее уверен, что в общем они мне очень понравились бы: тон и манера писания у тебя крайне симпатичная, — простота и задушевность, затрагивающие, заставляющие почувствовать что-то теплое, скорбящее о других. Я сказал «в общем», потому что с отдельными мыслями я, б[ыть] м[ожет], и не согласился бы. Вот, напр., в последнем письме ты, сравнительно, подробно касаешься часто затрагиваемого журналами вопроса о «безнравственности» деревенской молодежи, побывавшей в городе. По этому поводу ты приводишь рассуждения Гегеля об афинянах, казнивших Сократа, и находишь вполне подходящим эти рассуждения к данному вопросу. Мне кажется, что ты или ошибаешься, или в письме не вполне определено и ясно выражаешься. Ты говоришь, что «Сократ проповедывал ту же бытовую нравственность, какая была у

¹⁾ [«Социал-Демократ»].

греков, но очищенную, проведенную через «сознание» и далее, что «для деревенской молодежи роль Сократа играют просто другие нравы, условия, которые они видели в городе». По-моему, параллель эта не вполне удачна и верна. Сократ, если верно, что он проповедывал ту же бытовую мораль, какая вообще была у греков, а не высшую, — являлся носителем, как ты выражаешься, «выясненной, проведенной через сознание нравственности». Но этой роли «очищения» и «выяснения» не играет вовсе город для являющейся туда деревенской молодежи на первых порах. Припомни, что выносят они оттуда: фабричные песни, любовь к щегольству и кутежу, «деликатное» обращение с женским полом и т. п. Вот против этого влияния и восстают либеральные народники. Но можно ли сказать, что в усвоении этой никому не нужной «нравственности» город играет прогрессивную роль для деревенской молодежи, что усваиваемые ею трактирные замашки, взгляды и жаргон являются лишь «очищенной, проведенной через сознание, бытовой нравственностью»? По-моему, нет. Я вполне согласен, что деревенская мораль «тверда лишь пока люди придерживаются ее, не думая», не приходя в столкновение с внешним миром. Но не могу из-за этого считать высшей или более мне симпатичной трактирную мораль, усваиваемую деревенской молодежью в городах. Ты, конечно, знаешь, что «условия», «нравы» города не однообразны, каковы, наоборот, деревенские: город, как все признают, представляет соединение крайних противоположностей и противоречий. Далекое не все в городе является отпадным и прогрессивным, как и вообще в цивилизации, но, само собой разумеется, что я вовсе не против того или другого. По-моему, нельзя только считать чем-то высшим, «очищенным», «проведенным через сознание» то, что неизбежно приобретает и не может не приобрести деревенский парень, являясь в город. Здесь он заводит знакомство с трактирными завсегдатаями, с Lumpenproletariat'ом, и я не думаю, чтобы эти «условия», эти новые «нравы» очищали его бытовую мораль. Я согласен, что этот шаг, этот путь пока неизбежен, как неизбежно также, что дикарь, при столкновении с «цивилизацией», первым делом усваивает привычку к спиртным напиткам, ко всевозможного рода «добродетелям» и страстям. Но неужели эти новые для него

«условия» и «нравы» являются лишь «выясненной, проведенной через сознание его же бытовой нравственностью»? Как дикарь, приходя в столкновение с носителями «цивилизации», на первых порах усваивает только худшие ее атрибуты, так и деревенская молодежь, побывавшая в городах. Поэтому правы сетующие на развращающее влияние «цивилизации» по отношению к дикарям и города—по отношению к деревенской молодежи. Но они правы, лишь поскольку рассуждают о *данном моменте*, о данной среде дикарей или деревенской молодежи. Пройдут годы, поколения погибнут, развратятся сотни и тысячи, а затем, «как и на Западе», выработается действительно «высшая, выясненная мораль». Но при чем тут Сократ? Он так или иначе проповедывал «очищенную» мораль, а для деревенской молодежи все же город является источником сифилиса, легких нравов, трактирных замашек. Защищать так, как ты это пытаешься делать, город от нападков, мне кажется неудобным: это значит во что бы то ни стало обелить черное, не видеть пятен на солнце, пускаться в софистику. Город, даже и при всех его темных сторонах, имеет много преимуществ перед деревней, а потому совершенно излишне отрицать печальные, но неизбежные его атрибуты. Но довольно, уже 12-й час, а я привык рано ложиться, так как рано встаю, обыкновенно в 6—7 часов. В одном из предыдущих писем ты обещала мне выслать книгу Бентама¹⁾, но я до сих пор все ее не получаю, я же писал тебе, чтобы ты все присылала прямо мне, на адрес: Карийск, г-ну помощ. начальн. Акагуевск. тюрьмы. Яков²⁾ до сих пор еще здесь. Он все оттягивал свой уход на поселение то вследствие болезни (у него сильнейшие бывают мигрени), то — в ожидании моего выхода в вольную команду. Теперь он, наконец, собирается уйти с 1-й партией, отправляющейся по зимнему пути. Он тебе скоро сам напишет. От Мани³⁾ я опять около года не имею известий. Зато славная твоя Сашенька⁴⁾

¹⁾ В этой книге я ожидал найти написанное ею химическими чернилами подробное письмо.

²⁾ Яков Васильевич Стефанович находился в вольной команде в ожидании ухода по зимнему пути на поселение.

³⁾ Моя сестра.

⁴⁾ Александра Ивановна Успенская.

не забывает меня: время от времени пишет и посылает то деньги, то вещи. Большое ей за то спасибо, особенно за последнее. Кстати о вещах, если у тебя будут деньги, то купи и пришли с оказией в Рос. для пересылки мне часы, а то без них, как без очков близорукому. Здесь же купить, во-первых, не на что, во-вторых — часы стоят втрое дороже, чем в России, не говоря уже о Швейцарии. Можешь, пожалуйста, даже занять у кого для этого или взять у Павида в долг (Иван знает его) и прислать: я со временем выплачу. Вообще, ты бы недурно сделала, воспользовавшись оказией для присылки вещей Сашеньке или Мане, с тем, чтобы они присылали сюда; здесь все страшно дорого и скверно, а у нас денег — чорт ма. Яков и другие близкие целуют тебя. Обнимаю тебя крепко, крепко, милая сестра.

Твой Лез.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Карииск, 19 января 1891 г.

Наконец-то, дорогая, с последней почтой получил я, спустя 4 с чем-то месяца, твой ответ на первое мое письмо из вольной команды, которого я ждал с большим нетерпением. Признаться, оно далеко не удовлетворило меня: я мечтал, что ты в команду напишешь мне более обстоятельное, подробное письмо о себе и близких. Ведь я, в сущности, за все эти 6 с лишком лет разлуки с тобою не получил от тебя ни одного обстоятельного письма: то нельзя было, то — письма пропадали. Я надеялся, что теперь, узнав об изменившихся условиях моей жизни, о том, что нам разрешена переписка, ты начнешь писать подробнее, так как вполне понимаю, что трудно было прежде поддерживать переписку, когда она была односторонней, когда в ответ на свои письма ты получала лаконические сообщения: «здоров, получил твое письмо» и т. п. Но, видно, у тебя хроническая или органическая неохота писать обстоятельно. Ну, и бог с тобою. — Ты ошибаешься, думая, что зимой в вольной команде немногим лучше, чем в тюрьме. Я до выхода сюда был такого же мнения. Но теперь, на личном опыте, убедился, что это неверно. Несмотря на массу неудобств, хлопот и мелких забот, которых в тюрьме не было, все же здесь значительно лучше. Одно то, что можешь в квартирном

отношении устроиться более или менее по собственному вкусу и желанию, стоит всех хлопот и забот. А затем возможность куда хочешь пойти погулять, покататься на санях, что я ужасно люблю, достать нужную тебе вещь и пр. и пр. также услаждает жизнь. На-днях (15 числа) я перебрался на отдельную квартиру. Живу теперь один в совершенно изолированном домике-кухоньке, при которой имеются чуланчик и сенцы. Избушка эта казенная, и платить мне за нее не придется, что, при моем безденежьи, немаловажно. Расположена она великолепно — окнами на юг, что, несмотря на здешние жестокие и продолжительные зимние месяцы, имеет большое значение: днем окна оттаивают; избушка моя у подножья небольшой горки (сопки, как здесь называется), рядом с здешним кладбищем. Надеюсь, что здешние мертвецы не имеют привычки навещать своих живых соседей, а то близость кладбища нельзя будет считать одним из ее удобств расположения моей избушки. Зато летом вид со всех сторон великолепный, — все сопки покрыты, хотя и жалким, но все же лесом. Внутренностью хатки я также доволен: уютна, чиста, не холодна. Словом, пока я доволен. Главное — я сам себе господин и хозяин, — когда хочу и что хочу могу теперь делать у себя. Правда, никаких особенных наклонностей и стремлений у меня нет; все же после многих лет совместной жизни в тюрьме, когда из-за мелочей, бывало, раздражался, приятно теперь сознавать, что могу у себя устроиться по своему вкусу, не буду всегда на людях и пр. Ты ведь знаешь, что я всегда любил отдельную квартиру; теперь эта склонность еще сильнее. И ради этого я охотно мирюсь с большим количеством мелких забот и хлопот (по части топки печи, носки воды, ставления самовара и пр.), чем это было бы, если бы жил с кем-нибудь из товарищей. Ты по себе можешь представить, как мне теперь приятно бывает, когда остаюсь по вечерам большею частью один за книгой, при лампочке со стоящей рядом чашкой чаю. Но, довольно об своей «обстановочке», как острят в таких случаях товарищи, а то я, пожалуй, и надоем тебе. — Одновременно с твоим получил также письмо от Сашеньки (с 50 рубл.), а также карточку Вити ¹⁾.

¹⁾ Сын А. И. Успенской, умер в 1919 г.

Какой, если бы ты видела, он уже большой и красивый юноша. Очень симпатичен он на карточке. Сашенька хвалит его и как человека. По ее письму оказывается, что и Никифоровы ¹⁾ живут там же, в Твери. Ты напрасно не поехала в Италию, раз деньги уже были собраны: все равно они расплзутся, а, меж тем, спустя некоторое время снова, вероятно, расхвораешься. Лучше бы ты полечилась, развлеклась бы, поживши в нравившейся тебе Италии. Напрасно ты также собираешься выслать мне часть собранных для тебя денег: мне они «без надобности», в сущности. Если мне что нужно, так кое-что из вещей, которых здесь достать затруднительно или чересчур дорого, напр., часы, о чем я уже писал тебе. Да и то могу обойтись без них. Я очень рад, что ты начала столоваться у хозяйки и так[им] обр[азом] регулярно питаешься. Но надолго ли это? Вероятно, скоро начнешь ты опять, по старому, жить одним кофе. Ты совсем не упоминаешь в последнее время о Жорже и о его семье. Как идут его занятия, что он пишет, чем занимается? Что поделяет Роза и дети? Каковы материальные их условия и пр.? Непременно напиши обо всем этом. Вероятно, скоро уже ты получишь от Дм[итра] «Юр[идический] В[естник]» ²⁾, там есть много интересных статей. От тебя я давно уже не получал никаких книг. Впрочем, как я уже писал тебе, здесь не больно много читается: еле-еле новые журналы и газеты, в которых, к слову сказать, ужасная пустота. Ты расхваливаешь главный орган геноссов ³⁾. И мне было бы очень интересно читать его, но, конечно, сюда его не пропустят. Если бы не твоя органическая нелюбовь к писанию больших писем, я просил бы, время от времени, излагать, или переводить небольшие интересные выдержки. Но на тебя мало надежды. Польские газеты расхваливают недавно выпущенную книгу некоего Барта «Die Geschichte der Philosophie von Hegel bis Marx». Не слыхала ли ты что об этой

¹⁾ Лев Павл. Никифоров привлекался по Нечаевскому делу, был женат на сестре Веры Ивановны — Екатерине; впоследствии стал ярым толстовцем, в Москве приобрел значительную известность. Умер в Москве.

²⁾ Намек на то, что в этой книге, которую «Дмитро», т.-е. Стефанович, должен был переслать за границу, с пути его на поселение, много написано мною химией.

³⁾ Т.-е. центр. орган германской соц.-демократ. партии.

книжке? Вообще ты бы хоть упоминала о наиболее выдающихся вновь вышедших сочинениях, — может, я когда собрался бы их выписать. Ужасно досадно, что нельзя мне следить за рабочим движением, за деятельностью геноссов! Ну, да что поделаешь. О своих делах, о заведении Рольника ты также вовсе не упоминаешь. Ты лишь вскользь упомянула о выходе № 3 «Сборника». Ты бы хоть перечислила содержание каждой книжки. — Надеюсь со временем устроиться так, чтобы можно было побольше читать, пока же много времени отнимают хозяйственные и общие работы. Вот, напр., завтра мне предстоит возить сено. Это довольно утомительная работа: приходится встать часа в 4 утра, запрягать лошадей. При здешних жестоких морозах это и днем не легко, а ночью одно мученье; затем накладка сена, завязывание возов и беготня от воза к возу на 15-верстном обратном пути, когда лошади то отстают, то сворачивают на бок воз, — далеко не приятная вещь. А там через день в лес верст ва 6 по дрова, пила и колка их дома. Так почти еженедельно дня 2 уходит на эти общие работы. Ну, да, впрочем, скоро весна, а с ней освобождение от хозяйственных забот и хлопот. — Однако пора и кончать письмо. Пиши же, дорогая, побольше. Крепко целую тебя и всех близких.

Любящий тебя брат *Лев*.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Из вольн. ком.

25 февраля (2 марта) 1891 г. Карийск.

Недели две тому назад получил твое письмо, дорогая сестра, в котором ты поздравляешь с новым годом и подробно объясняешь, вернее оправдываешься, почему не пишешь мне больших, обстоятельных писем. Вот эти-то оправдания твои были отчасти причиной, что я не скоро собрался тебе ответить. Мне грустно и досадно становилось на себя, зачем я все эти годы приставал к тебе с просьбами о присылке обстоятельного письма, зачем я обвинял тебя в небрежном отношении к моим просьбам, когда, как теперь оказывается, твое болезненное состояние всему причиной. Но, вместе с тем, в твоих оправдательных аргументах есть

фразы, которые вызывают некоторые другие чувства, иные соображения. Я не буду на них останавливаться, не буду «копаться». Ты спрашиваешь, понятно ли (мне), что при таких условиях (каковы твои) может быть в самом деле трудно написать большое письмо? Конечно, мне это понятно, но... не буду останавливаться на этом, не то много пришлось бы сказать, быть может, невпопад.

Напрасно только, приведши подробное объяснение, «оправдание», ты заявляешь что «в глубине души все-таки чувствуешь себя виноватой». Я более был бы доволен, если бы ты заявляла, что не чувствуешь себя виноватой, что по тем же причинам и впредь не будешь писать обстоятельных писем. Тогда для меня было бы определено, и я примирился бы с мыслью, что «грустно, но что же делать»? Ну, да оставим это. — Далее, в твоём письме довольно обстоятельная полемика не со мной, хотя и по поводу моего письма, а с русскими самобытниками. Я высказал, что «отсутствие соответствующих фактических условий» мешает созданию у нас умственного течения новогегелианского характера. Ты же по поводу этой фразы приводишь воззрения Гейнцена, возмущавшегося «списыванием всего у Франции и Англии» и доказывавшего, что «в Германии совсем другие условия». Воззрения Гейнценов, или, как ты их называешь, германских Павиных ¹⁾ 40-х лет, мне отчасти известны, с того времени, как, помнишь, я изучал историю движений среди германской молодежи. Другой твой аргумент в опровержение моей мнимой самобытности, — ссылка на русские журналы — «Р. М.» и «Северный Вестник», в которых можно почерпнуть доказательства быстрого разложения деревни, — также не по адресу и также мне известен. Ты, очевидно, совсем не поняла моей мысли, хотя, кажется, я очень ясно изложил ее. Я писал и теперь того же мнения, что ты «преувеличиваешь значение новогегелианской ²⁾ литературы и что умственное течение ей создать не удастся». Так как, кроме многого прочего, у нас нет для этого соответствующих фактических условий. В ответ на это ты спрашиваешь:

¹⁾ Так на нашем условном языке мы ради конспирации называли народовольцев.

²⁾ Под этим словом я подразумевал *марксистскую* литературу и, конечно, оказался плохим пророком.

«А каковы были фактические условия Германии 40 лет тому назад?» Насколько мне известно, и там 40 лет тому назад не удалось создать «сильного умственного течения новогегелианского характера, несмотря на то, что проповедниками его являлись такие лица, как Маркс, Энгельс и др.; и там литература, издававшаяся за границей (напр., «Deutsch-französische Jahrbücher») интересовала ограниченный кружок читателей, влачила жалкое существование, прекращалась с выходом двух-трех книжек и пр. Лишь лет 20 спустя, после изменения «фактических условий» и появления такой гениальной личности, как Лассаль, который, несомненно, отчасти подготовил почву, начинают в конце 60-х г.г. приобретать успех новогегелианские идеи. Мне кажется, что твоя ссылка на Германию 40-х годов говорит именно за меня. Ты, сама того не подозревая, косвенным образом подтверждаешь мой скептицизм по поводу значения новогегелианского направления, сообщая, что весной, с выходом 4-й кн. «Сборника», остановится или даже прекратится его существование. По этому случаю я, в свою очередь, могу тоже задать вопрос: как ты думаешь, если бы это направление имело очень большое значение в данное время в жизни читателей (как можно заключить из твоих сообщений, что «эти произведения поднимают целую бурю споров, заставляют думать и пр.»), — неужели оно влачило бы жалкое существование и прекратилось бы с выходом 4—5 кн.? Мне припомнились слова Герцена, что если данное издание не окупается, значит оно не имеет почвы. Я вовсе не сомневаюсь, что новогегелианское направление заставляет думать, спорить, проверять свои взгляды, но я уверен, что — только крайне ограниченный круг читателей и что «бурные споры» не более, как буря в стакане воды. Из всего того, что я высказываю, вовсе не следует, что я отрицаю всякое значение за новогегелианским направлением, что я против него, а за «самобытность», и что я сомневаюсь в возможности наступления «фактических условий», при которых только это направление действительно имело бы широкое значение. Нет, я только против твоих преувеличений, против чрезмерного оптимизма, который, признаться, мне странно видеть у тебя. От всей души желаю, чтобы мой скептицизм был блистательно опровергнут и чтобы, наоборот, оправда-

лись твои радужные надежды. Поживем, и если не увидим, то, быть может, услышим. Меня, как знаешь, очень интересует все, касающееся нашей семьи, а, между тем, ты почти ничего не сообщаем о ней. Ты, напр., ничего не упоминаешь о Жорже, — как его здоровье, болеет ли он еще временами. Теперь, с открытием Коха, быть может, ему и тебе совсем удастся вылечиться? Судя по твоим сообщениям, ты исполняешь непосильную работу, чересчур утомляешься, крайне напрягаешь свои нервы. Это сообщение, между прочим, показывает, что вы бедны литературными силами, что предприятие ваше держится на 2 — 3 лицах, семья ¹⁾ не увеличивается, что, в свою очередь, подтверждает мой скептицизм. — Сегодня как раз минуло 7 лет со времени моего ареста, и грустно слышать, что с тех пор вы все в том же числе... Спасибо большое за высылаемую немецкую газету «Frankfurter Zeitung». В ней много интересного; сравнительно с нашими русскими газетами, много сведений о геноссах, заграничных делах, парламентской жизни. Я просматриваю их довольно аккуратно. Второй экз. Бентама ²⁾, кроме посланного Зунду, о высылке которого мне ты сообщаем, я до сих пор не получил и, повидимому, не получу, что очень печально. Решительно не везет мне с книгами! О себе, о своей жизни на этот раз нечего почти сообщать. В общем живется недурно, хотя довольно пусто, бессодержательно. К тому же с отъездом Якова чувствую одиночество: хотя и много товарищей, но нет очень близких. Я уже сообщал тебе, что живу в отдельном домике-избе и хотя в ней нет удобств и комфорта заграничных квартир, но я чувствую себя в ней словно в великолепно мебелированном помещении. Я уверен, что тебе очень понравилась бы моя кухонька, да и вообще здешняя жизнь. По временам, но редко, чувствуешь какое-то жизнерадостное настроение, какого, пожалуй, до пребывания в тюрьме не приходилось испытывать. Тогда

¹⁾ Т.-е. число членов группы «Освоб. Труда».

²⁾ В нем должно было иметься химическими чернилами написанное большое письмо, но вследствие того, что ради конспирации эта книга была адресована Верой Ивановной на имя Зунделевича, ушедшего в это время с Кары в Акатуй, вышло затруднение в его получении мною.

пробуждаются те стремления к деловитости, к предприимчивости, которые, помнишь, особенно пробудились [у меня] перед арестом. К сожалению, при здешних условиях, сколько я ни ломаю головы, ничего не могу придумать, не за что ухватиться. Ты находишь, что я (судя по карточке) или не похож, или сильно изменился. И то и другое. Говорят, черты лица верны на ней, но выражение иное. К тому же я и изменился очень, — постарел, оброс сильно волосами и вообще подурнел, так что теперь ваша сестра решительно не имеет склонности плакать на [моем] плече, как ты выражалась. Ну, пора и покончить. Не напрягайся, не заставляй себя насильно писать большие письма мне, раз не пишется или обстоятельства не благоприятствуют, — лучше не пиши. Всем близким мои наилучшие пожелания и приветствия. Кто из старых знакомых жив или умер, уехал куда? и пр.? Ну, крепко тебя целую,

твой брат.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

(из вольной команды, конспиративное)

1891 г. Карийск.

Дорогая сестра! В последнем письме ты сообщаешь, что усердно работаешь в заведении Рольника и что эта работа не отражается вредно на твоём здоровье. Я, признаться, мало этому верю: не может быть, чтобы эта работа не отражалась вредно, и меня вовсе не радует, что ты доказала скептикам, сомневавшимся в возможности исполнить начатое, что твоим единоличным трудом совершена задуманная работа. Что толку в том, что появится еще одна работа, могущая, при наилучших условиях, принести некоторую пользу нескольким лицам, когда, вместе с этой незначительной пользой, ты окончательно подорвешь свое и без того плохое здоровье? Впрочем, мои доводы и соображения тебе заранее известны, к тому же запоздали, так как ты теперь, конечно, уже покончила с этой работой. Обрадовало меня твое сообщение (в этом же письме) о том, что Жорж сотрудничает в «Neue Zeit»: это было одним из наиболее горячих моих желаний, о чем, помнится, я давно тебе

писал. Жаль, ужасно жаль, что я не могу прочитать его статьи о «Гегеле», но надеюсь со временем их прочесть, конечно, при вашем старании ¹⁾. Я много раз писал и просил тебя и Павла, чтобы вы, пользуясь оказией от вас, переслали Мане для меня коллекцию интересующих меня, между прочим, иностранных произведений, — неужели это так трудно сделать? Мне решительно не верится, — просто вы забываете или пропускаете okazji. Понимаю, что вам часто не до того, чтобы заботиться об исполнении моих просьб, но войдите и в мое положение: ведь мне не к кому, кроме вас, обратиться с просьбами о присылках интересующих меня книг, ведь только об этом прошу я вас! Раньше я просил тебя еще о присылке франц[узских] романов, о писании больших писем, но вот уже более года, как я, на основании твоих ответов, убедился в тщетности этих просьб и примирился с невозможным. Остается еще одна единственная просьба — присылать интересующие меня иностранные произведения левых гегелианцев, и это, мне кажется, вполне выполнимо, при некотором старании.

Я не буду описывать, какое громадное значение могут иметь такие произведения для меня (и некоторых других), при условиях нашей жизни, какой интерес возбуждают малейшие сообщения, заметки о вопросах из этой области, попадающиеся в нашей прессе. То, что вам кажется избыточным, давно известным, а, следовательно, мало или вовсе неинтересным, здесь читается, комментируется и дебатруется на все лады, конечно, не всеми — многие потеряли всякий интерес к теоретическим вопросам, да и к практической постановке вопроса на Западе. Но я без малейшего самохвальства могу сказать, что не чувствую никакого изменения ни в моих отношениях к теоретическим вопросам лево-гегелианской философии ни в моем практическом настроении, если можно так выразиться. Нельзя сказать, чтобы я за все эти годы не изменился в этих отношениях. Но мне кажется, что произошедшая во мне перемена — в лучшую сторону, в сторону большего понимания, зрелости, опытности. Я не чувствую себя несколько надломленным, разочарованным, пессимистически настроенным, что

¹⁾ Т.е., если они позаботятся о конспиративной ее пересылке.

так распространено в последнее время. Между тем как многие ничего не ждут для себя впереди, ударяются в мелочи повседневной жизни, заводятся своим домком, — мне, как помнишь, в последние годы при тебе, хочется практического дела, совмещающего возможность и теоретических занятий. Невозможность осуществить это желание повергает меня иногда в тоску, от которой я подчас не нахожу себе места. Часто мне кажется при таких настроениях, что звезда моя закатилась, что скрытые и чувствуемые мною внутри себя способности так и не найдут сферы для их проявления, так и останутся в неразвившемся, зачаточном состоянии. Иногда же, наоборот, я как бы явственно ощущаю, что проживу еще много-много лет, что дождусь так лучшего периода и осуществлю затаенные мечты. Последнее, т.-е. бодрое настроение, конечно, объясняется в значительной мере, кроме некоторого теоретического развития и понимания, физическим моим состоянием, здоровьем и крепостью. Раньше, живя на воле, я не обращал на это внимания, не придавал значения здоровью. Теперь, благодаря годам, проведенным в здешних условиях, где очень часто нужна физическая сила, я оценил эту сторону своего организма. Правда, я к физическому труду не имею ни малейшей склонности; я и не способен к нему, а лишь к некоторым родам интеллектуально-практическим. Но я не склонен ни к каким болезням, очень вынослив и довольно силен, — в этом отношении могу благодарить судьбу...

Вчера не докончил этого письма, сегодня днем был на похоронах сестры Ивана Николаевича ¹⁾, которая умерла от чахотки. Муж ее — ты его, вероятно, помнишь: он приезжал вместе с Иван. Никол. — проживал здесь около года, но застал ее уже неизлечимо больной. Теперь он вместе с сыном, 11-летним мальчиком, возвращается домой. В последнем отношении я ему очень завидую: страшно надоела мне здешняя страна, и я охотно уехал бы отсюда. К сожалению, не вижу конца моему пребыванию здесь. Правда, при благоприятных условиях, о которых я писал тебе в одном из предыдущих писем, я могу вскоре очутиться вместе с

¹⁾ Софья Богомолец, сестра Ив. Ник. Присецкого, судилась по д. Южно-рус. рабочего Союза (Шедрина, Ковальской и др.).

Дмитром, но ты знаешь, что там хуже, чем у нас, почти во всех отношениях. Унывать, конечно, нечего. Но грустно, что «годы уходят, все лучшие годы...». Впрочем, в общем, беря относительно, мне грешно жаловаться на свою судьбу и положение: во-первых, могло быть и гораздо хуже, во-вторых, сравнительно со многими, живущими со мной, мои условия куда лучше и в материальном, и в интеллектуальном, и пр[очих] отношен[иях]. Живу я, как товарищи остряты, «Kleinbürger'ом» [мелким буржуем] или «эпикурейцем», имею относительно сносную обстановку, небольшой заработок (в 15 р.), могу заниматься и пр. Но неудовлетворенность тем сильнее во мне сказывается, чем легче мне удастся улаживать мелочные улучшения в моей обстановке. Я охотно согласился бы жить полнейшим ригористом и иметь целиком поглощающее меня дело, чем при благоприятной обстановке прзябать, жить из-дня в день, без общей цели. Но я начинаю вдаваться в изображение своего «я», — довольно о себе. Пиши, ответь мне подробно на это письмо... Ты меня не балуешь большими письмами. Ну, исполни же мою просьбу об иностранных книгах и напиши о себе поподробнее. От Сашеньки давно-давно не имею никаких известий; часов также не получал, но недавно, после 1½ лет молчания, Маня, наконец, разрешилась письмом, в котором свое продолжительное молчание объясняет массой занятий и просит быть к ней снисходительным. От Дм[итра] также получил огромное письмо, чрезвычайно интересное и обстоятельное. Если переписываешься с ним, передай ему за это письмо большущее спасибо. Напрасно не сообщай мне своего непосредственного адреса. Целую крепко тебя и всех близких. Хоть в нескольких словах сообщай мне постоянно о них что-нибудь.

Твой Лев.

Передай Павлу мою настоятельную просьбу, чтобы он снова высылал Frankf. Zeitung по следующему адресу: Давиду Ивановичу Чхотуа, город и губерния те же, что и прежде, без всяких передач. Он может (или ты) выслать и другую или отдельные наиболее интересные №№ и других газет.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

(из вольной команды)

Карийск, 22 июня (3 июля) 1891 г.

Хорошая сестра моя! Наконец-то я получил от тебя, после 4-х месяцев, сразу два письма. Я уже отчаивался, получу ли когда от тебя что-нибудь; уже строил всевозможные тревожные предположения... И вдруг, получаю твои письма (от апреля мес.), к тому же такие хорошие, интересные и сравнительно большие. Я сам отчасти виноват перед тобою, — я также все эти 4 месяца не писал тебе, и ты, поди, теперь беспокоишься за меня. Но вина моя смягчается многими «независящими» обстоятельствами. Во-первых, я с недели на неделю ждал, что вот получу от тебя письмо и тебе ответу; а во-вторых, — и это главное — неопределенность нашего положения. Дело в том, что, как ты, конечно, читала в газетах, по поводу путешествия наследника по Сибири издан манифест, по которому все осужденные и находящиеся в Сибири получают сравнительно большие скидки со сроков. В какой мере и когда к нам применят этот манифест, нам еще не объявляли. Но, судя по тому, что, как ты знаешь, нас почти во всем сравнили с уголовными, можно думать, что и нам сделают те же скидки со сроков, какие им сделают. Тогда я могу выйти на поселение через год. Но не подумай, дорогая, что эта перспектива особенно меня радует. Если пошлют в Якутку, куда всех наших ссылают, то, пожалуй, во многих отношениях будет хуже, чем здесь. Как ни как, здесь все же живешь среди людей, можешь сравнительно скоро (через 1 — 1½ мес.) узнавать о близких и о том, что делается на белом свете, можешь найти себе даже заработок и не испытывать нужды не только в предметах первой необходимости, но даже в некоторых предметах комфорта. Там, в Якутске, как знаешь, часто нуждаются в хлебе, которого негде достать, не говоря уже о чае, табаке и т. п., но было бы неправдой, если бы я сказал, что буду огорчен или даже равнодушен, ввиду предстоящего ухода на поселение. Якутка, конечно, скверная перспектива, но це

век же меня там будут держать, — может, со временем, переведут в лучшее место, припишут в «крестьяне», дадут право раз'ездов. Словом, с уходом на поселение открываются «перспективы», — можешь льстить себя надеждой «в более или менее отдаленном будущем» возвратиться в «первобытное состояние», если еще и еще будут манифесты.

Вот, пока не выяснилось наше положение, пока не узнаешь, уйдешь ли на поселение и когда, — чувствуешь себя не по себе и ни за что определенное не можешь взяться, даже и за писание письма. Такое состояние длится у нас уже около двух месяцев, и мы не знаем, сколь долго оно еще продлится. Ты, я уверен, поймешь это состояние и не строго меня осудишь, зачем долго не писал тебе. Теперь к твоим письмам. — В одном из них ты описываешь, очень мило, свою матоидальность и, начитавшись остолопа Ломброзо ¹⁾, готова, кажется, поверить, что и в самом деле ты — матоид. Насколько я себе по письмам представляю твое положение и состояние, в нем нет ничего странного и ненормального, — конечно, с нашей, а не ломбровозской точки зрения. «Забвение о своем существовании» — неизбежное состояние у каждого, кто сильно увлекается каким-нибудь приятным ему занятием, которое он сам себе выбрал или случайно на него наткнулся и почувствовал, что не безрезультатны его усилия. Даже при вполне удавшейся личной жизни, которой у тебя нет, мне понятен интерес к «совершенно не касающимся данного лица вещам», — не только к «Гегелю или к какому-нибудь XVIII или XVI в.в.», но даже, напр., к третичной формации, ископаемым и т. п. мертвечине. Даже когда данное лицо не видит никаких результатов от своего интереса, я вполне понимаю его состояние, тем более оно понятно, когда оно видит, что не зря занимается тем или другим предметом, что, кроме собственного выяснения, обогащения себя знаниями, оно может — и на самом деле это делает — делиться с другими. Не верю, дорогая, что ты волнуешься «совершенно бескорыстно», «ни-

¹⁾ Известный итальянский ученый, настаивавший на существовании наследственной преступности и проповедывавший аналогичный вздор. Им же, если не ошибаюсь, введен был термин «матоид» для обозначения человека, одержимого в сильной степени какой-нибудь идеей, влечением, — родственно маниакальности.

чего определенного не ищешь». Я не сомневаюсь, что ты действительно так думаешь, но на самом деле, ввиду своих литературных работ, существует неясная для тебя, не формулированная тобою связь между твоими «волнениями по поводу XVIII и XVI в.в.» и действительно занимающими тебя вопросами. Для иллюстрации приведу пример из собственной жизни. В тюрьме, прочитывая, напр., в геологии, какое влияние на колебание почвы производят крупновеские заводы или что-нибудь в этом роде, ничего, кажется, общего не имеющее ни с моей жизнью, ни с моими воззрениями, — я с таким увлечением начинал излагать и развивать данный факт, что Дмитро меня всегда в таких случаях называл «матридом». Но я себя несколько таковым не считаю, и если на несколько минут остановлюсь мыслью на связи интереса к этому факту с общими моими убеждениями, то несомненно всегда найду ее и смогу ее показать. Меня, напр., очень интересуют первобытные учреждения, и я приходил часто, как ты говоришь «в волнение», когда связывал в уме два явления, которые прежде торчали в нем порознь. Живи я, как ты, совершенно особняком, не имея я никого, кому бы мог передать свои мысли (что, впрочем, иногда случалось), я, вероятно, мог бы также, «по 2 часа проходить взад и вперед». И уж, конечно, я был бы более в праве сказать, что «ничего не ищу, волнуясь бескорыстно», так как нигде не печатаюсь и не задаюсь никакими теоретическими темами. Но, во-первых, есть много общего в нашем положении, во-вторых, тем-то и хорош марксизм, что он является путеводной нитью, как бы канвой, на которой вышиваются самые затейливые узоры. Чем бы ты ни занимался, что бы ни наблюдал, — все даст тебе материал для пополнения, расширения и дальнейшего разукрашивания узора.

Мне теперь пришла в голову мысль: а вдруг ты, прочитавши все это, скажешь: «не то, не то, — ни при чем здесь марксизм и мои литературные занятия!». Ну, тогда извини, — я, значит, тебя не понял. Но сомневаюсь: мне так ясно представляется твое «волнение», твой «бескорыстный интерес», что трудно поверить, что я ошибаюсь. Во всяком случае, я рад, что ты испытываешь описанное тобою состояние, что тебе оно нравится и что ты ему рада. Боюсь

только, как бы чрезмерное увлечение занятиями, при ненормальном твоём образе жизни, не отразились на твоём здоровье. Я часто думаю о нём, и, признаться, сильно тревожат меня такие мысли: а вдруг разболеешься, как Лиза?..

Обрадовало меня известие, что у тебя теперь «собственные, рассобственные 100 франков в месяц». Откуда ты их возьмешь? А часов я все еще не получил и много терплю из-за них, много теряю времени. Я уже жалею, зачем надумал о них писать тебе, так как тогда сам купил бы здесь или выписал бы. Не получая долго от тебя писем, уже решил выписать из Питера (магазина) и даже сдал уже письмо, когда получил твои 2, в одном из которых ты опять пишешь, что поручила Вите мне выслать, и я ездил назад свое письмо. Ты советуешь мне за всем мне нужным обращаться к Сашеньке: но, во-первых, нам запрещено переписываться не с родственниками, а я уже месяца 3—4 не получаю ни от нее, ни от Дмитра ни строчки; о нем я не знаю даже, где он теперь и что с ним? Не знаешь ли ты чего? Во-вторых, я давно написал Сашеньке, что мне нужны одеяло, простыни и некоторые другие вещи; но она вместо вещей почему-то прислала в ответ 150 р. Деньги, конечно, пошли на жизнь, а этих вещей у меня все же нет. Но ты не вздумай, чего доброго, прислать их. А вот о чем попрошу тебя. На случай, если меня вскоре отправят на поселение, особенно в Якутскую область, недурно было бы, если бы ты имела для меня наготове рублей 75, а то и 100¹⁾. Если сама не можешь их раздобыть, то обратись от моего имени к близким, помнящим меня (Ане, Павлу, Сергею). Когда их раздобудешь, — чем больше, тем, конечно, лучше, — то сообщи мне об этом; я же со временем напишу тебе, когда и куда мне их выслать. Путь отсюда в Якутку более тяжел и утомителен, чем тот, по которому нам пришлось идти из России сюда. — Ну, спешу закончить это письмо, чтобы оно ушло с ближайшей почтой. Скоро еще напишу о своем впечатлении относительно немецкого сочинения Каутского «Neue Zeit» (в 4 т.т.)²⁾, которое мне прислал

¹⁾ Я просил о присылке денег, имея в виду побег, если бы к этому представилась возможность в пути из Кары в Якутскую область.

²⁾ Ради конспирации, ввиду незнания немецкого языка нашими цензорами, я таким способом уведомлял своих друзей о получении за-

Павел. Пока скажу, что произведение о героях ¹⁾ из буржуазной среды мне и др. наиболее всего понравилось, затем о геноссах ²⁾, о Парижском конгрессе. Произведения же о Чернышевском—моим сослуживцам не особенно: слишком расплывчато, много повторений, размазывания, — таково их впечатление. Павлу передай, чтобы он не присылал более Frankf. Zeitung, так как нам запрещено получать газеты и журналы. Но пусть придет следующие томы «Сборника». Самый сердечный привет и наилучшие пожелания Жоржу, Павлу, Лизе, Ане, а тебя крепко обнимаю.

Твой Лев.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

(из вольной команды)

Сентябрь 1891 г.

Дорогая сестра, уже несколько месяцев, как не получаю от тебя писем. Последние два письма получил одновременно в июне, и я тотчас же ответил.

Начинаю уже беспокоиться, хотя в последний год, со времени моего выхода в вольную команду, такие беспокойства уже случались, и я утешаю себя мыслью, что и на этот раз твое молчание объясняется не каким-либо несчастьем, а, в сущности, незначительным обстоятельством. Последние два твои письма произвели на меня самое приятное впечатление, и мне очень грустно было бы, если бы велед за ними что-нибудь прискорбное помрачило твое состояние. Я, в свою очередь, не писал отчасти потому, что ожидал твоего письма, а главное, — вследствие всяких мелких причин: забот, хлопот, ожиданий и пр. Почта теперь отходит у нас раз в 10 дней, и вот, если почему-нибудь не удалось написать к данной отправке, то приходится ждать следующей почты, а там, смотришь, что-нибудь снова помешало; иногда приготовишь заранее письмо, а к дню отхода почты находишь его уже несоответствующим настроению, — деланным в переплетах издаваемых тогда в Женеве моими друзьями Сборников «Социал-Демократ».

¹⁾ Статья Веры Ивановны «Революционеры из буржуазной среды».

²⁾ Статья П. Б. Аксельрода о германской социал-демократии.

не отсылаешь его и не можешь собраться написать новое. В настоящее, напр., время пишу при самых несоответственных писанию условиях, о которых долго пришлось бы рассказывать, если бы пожелал тебя познакомить с ними. Ничего особенно неприятного, нехорошего нет в этих условиях, но и приятного мало. Главное в них — хозяйственные заботы, о которых ты, живущая в культурной стране, не можешь составить себе ясного представления. Теперь, с наступлением осени, приходится заняться ремонтом своего жилища: мазать, белить, конопатить, поправлять заваленку, обивать дверь, вставлять двойные рамы и пр. Но самое главное и сложное — это заготовка дров на зиму, о чем я уже писал. Вот уже 3-я неделя пошла, как мы, в количестве 12 человек, рубим, пилим, колем и складываем дрова в лесу, отстоящем от нашего поселка на расстоянии 5 — 6 верст.

Сентябрь здесь вообще довольно сухой и сравнительно еще теплый месяц, что, однако, не мешает по утрам воде замерзать, а иногда дождям промачивать нас изрядно; тем не менее, довольно сносно работать и жить при этих условиях, а главное — очень здорово. Поэзии также очень много в работе, — в рубке леса (припомни Некрасовскую Сашу: «Лес зазвенел, застонал, затрепал»). Только чересчур уж долго приходится наслаждаться этой поэзией и совершенно не прикасаться к печатному материалу, а это не особенно приятно. Правда, раз в неделю мы устраиваем себе «дневку» — отдых и возвращаемся домой, но не до чтения в такие дни: приходится исполнять всякие мелкие поручения и делишки. А подчас очень тоскливо без книги. Да, много неудобств в некультурной стране. Хотя, конечно, при средствах и здесь можно устроиться более или менее сносно. Но довольно о буднях нашей жизни. Бывают у нас и «праздники» по случаю какого-нибудь «события», напр., именин, крестин, приезда или отъезда кого-нибудь из товарищей, свадьбы и пр. Отчасти наши условия и образ жизни не благоприятствуют тому, чтобы следить за процессом, происходящим в среде европейских народов, в частности в среде геноссов. Тем не менее, из тех отрывочных сведений, которые до нас долетают, можно заключить, что особенного там ничего не происходит, что и там «будни», разно-

образящиеся незначительными торжествами. Впрочем, может быть, это лишь так издали кажется. Хотелось бы верить, что в действительности веселее, разнообразнее на Западе, чем мне представляется. Смутное у меня представление о выработанной геосомами новой программе, об интернациональном конгрессе и пр. Павел совсем замолк после того, как еще в марте прислал мне письмо и 4 нем. книги с интересными статьями, о которых я уже много раз излагал свое и других мнение. Он прежде имел похвальную привычку делиться со мной сведениями о жизни геососов. Я также гнетно жду и не дождусь, должно быть, продолжения полученных мною статей. Между прочим, в последнем письме к нему я просил его прислать мне две книжки Вейзенгринга, о котором в «Р. М.» и «Юр. В.» были интересные рецензии и отзывы как о стороннике материалистических взглядов Маркса. Прошу и тебя позаботиться о присылке этих книжек и, вообще, аналогичных, конечно, в том лишь случае, если твои материальные условия благоприятны, о чем ты упоминаешь в 2-х последних письмах. Но с тех пор прошло много времени, и многое могло измениться. Ты тогда писала, что можешь даже прислать деньги сестре Сашеньке, чтобы она исполняла мои поручения. Но я скептически отношусь к этому благому намерению, т.-е. ни у нее, ни у тебя не будет свободных для этого средств. От Дмитра решительно никаких известий с февр. месяца. Не знаю даже, где он, доехал ли он до Якутки! О применении к нам манифеста также ничего неизвестно, когда и что? — Ну, спешу закончить: сегодня возвращаюсь в лес не с особенной охотой, потому что утро было очень холодное, огни сильно замерзли. Пиши же как о себе, так и о близких. Кланяйся от меня. Шлю им всем самые теплые и сердечные пожелания...

Твой Лев.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

23 октября (5 ноября) 1891 г.

Дорогая сестра, недели три тому назад я получил твое письмо из Цюриха, и, признаюсь, оно произвело на меня самое грустное впечатление: ты сообщаешь, что приехала

отдохнуть от долгов, бед и хлопот и лишь вскользь упоминаешь о своей болезни. Последняя меня ужасно беспокоит. Чувствую, что здоровье твое совсем расстроилось, хотя ты и заявляешь, что «прокашляешь до 100 лет». К тому же и настроение у тебя скверное. Да и сообщения твои о материальных твоих условиях неутешительны: — «в заведении Рольника произошел кризис», и его уже «раз описывали». Понятно, что все эти известия произвели на меня самое удручающее впечатление, а тут, спустя несколько дней, со мной случилось несколько неприятное происшествие. В предыдущем письме я сообщил тебе, что мы заготавливали дрова в лесу на зиму себе, и вот, во время пижки один товарищ нечаянно топором задел один мой палец так, что часть сустава (кости) отскочила: пришлось подвергнуться операции, — отрезали первый сустав указательного пальца на правой руке. Более двух недель уже прошло с тех пор, теперь уже заживает, но пока еще побаливает. Особых мучений при этом не испытывал, и все обошлось благополучно. Пишу, как видишь, попрежнему. Неприятно только, что это как раз случилось теперь, в холодное время, когда масса работы по дому, — топить, возить воду, дрова и пр. Само собой разумеется, товарищи за мной ухаживали, когда я возился с пальцем и теперь освобождают меня от непосильной работы. В этом отношении нельзя пожаловаться: внимания и забот проявляли мне больше, чем следовало, так что приходилось даже отказываться от услуг, просить оставить меня в покое. Все вместе — грустные известия, происшествие с пальцем и некоторые местные условия, о которых долго было бы распространяться, повлияли неблагоприятно на мое настроение. Быть может, под влиянием его я в последнее время испытываю сильные головные боли, а может быть, они объясняются угарами от русской печки. Но, вообще, я вполне здоров, крепок и силен, по крайней мере, чувствую себя сильнее, чем был на воле; да и вообще живется недурно мне и в последнее время даже читать удается больше, благодаря тому, что вследствие пальца я освобожден от тяжелых работ (до полного заживления, конечно); таким образом, как видишь, «нет худа без добра»; и я действительно могу сказать, что проживу до 70 — 80 лет, если не случится со мною непредвиденного обстоятельства.

А в моих условиях всякая неожиданность возможна. Впрочем, с кем не может случиться неожиданности?.. Поэтому нечего и думать о ней. Другое дело — твое положение: состояние твоего здоровья да и вообще твои условия. Ужасно тяжело и грустно становится, когда представляю себе твое положение. Сознаешь, что бессилён предпринять что-нибудь, не знаешь, каково тебе в данное время: ведь так много времени проходит с момента отправки до получения письма, и чего не может случиться в этот период?.. А ты еще так редко пишешь, частенько приходится тревожиться. Два дня не писал тебе по причине большого пальца: разбередил его всякой мелкой работой. Хотя товарищи устраниают меня от работы, но очень скучно за всякой мелочью обращаться к ним или дожидаться, пока кто зайдет к, поэтому, то самовар поставишь, то печку вытопишь, то снег отгребешь кругом избы, а на пальце все это отзывается. Вот и теперь даже при писании он побаливает, хотя я не им держу перо. Но через неделю — максимум две, надеюсь, совсем пройдет всякая боль, тогда наступит тяжелая работа — возка дров за 5 — 6 верст раз в 8 — 9 дней. Нехорошо жить одному без близкого человека. Но довольно о себе. Ту статью в «Рус. М.», о которой ты упоминаешь («Новая гипотеза» и т. д.), я читал и вынес о ней такое же впечатление, какое и ты. Автор не твердо усвоил диалектический материализм и, мне кажется, главным образом потому, что он подошел к нему не с гадлежащей стороны, т.-е. не с политико-экономической, а с социологической, в чем, по-моему, ошибка также Михайловского, Липперта и других, которые, казалось, могли бы уразуметь марксизм; между тем, путаются и впадают в эклектизм. Не знаю, вполне ли ясно я тебе изложил, в чем, по-моему, причина непонимания многими Маркса. Но и некоторых твоих замечаний по поводу возражений противников я или не понимаю, или с ними не согласен. Ты возмущаешься тем, что «каждому историческому явлению прищипливают определенную какую-нибудь экономическую причину» и, как доказательство нелогичности такого взгляда, приводишь, в числе других примеров, следующий: «а какую экономическую причину видите вы в магометанстве?»... Мне кажется, что такие крупные исторические явления, как магометанство и «раз-

рушение Рима», имеют в своем основании главным образом экономические причины.

2 (14) ноября.

Как видишь, не писал тебе более недели: никак не мог, — большую часть времени проводил у одних знакомых из местных обывателей¹⁾, где ухаживал за больным отцом семейства, утешал мать, у которой куча детей (6 душ малмала меньше). Скучное и пренеприятное занятие, но обстоятельства так сложились, что нельзя было отказаться. Ты не упоминаешь, чем же теперь вы заняты, раз заведение Рольника прекратило свое существование? Пишете ли вы с Жоржем что-нибудь? Неужели вы не можете пристроиться в каком-нибудь иностранном журнале? Особенно Жорж при его способностях и знаниях, — право, досадно даже, что он мало известен иностр. публике. Насчет денег, которые я просил (рубл. 75 — 100), не хлопочи особенно: будут — хорошо, нет — обойдемся. Но ни в каком случае не посылай их мне, пока сам не попрошу; то же сообщи и Сашеньке.

Постигший Россию голод отозвался и на наших финансах: полочки стали очень скудны; приходится сокращаться в расходах. Я как-то не умею жить в границах получаемого и всегда в долгах, хотя, конечно, они ничтожны — в несколько рублей. Как на вашей жизни отзывается голод, существующий в России? Ну, всего тебе и др. наилучшего. Крепко целую тебя.

Твой брат.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

(вольная команда. официальное)

16 февр. 1892 г.

Дорогая сестра! Вот уже около месяца, как получил твое письмо, а до сих пор не собрался тебе написать. Раньше со мной этого никогда не случалось: я всегда был аккуратен в переписке, всегда отвечал вскоре по по-

¹⁾ Это был уже описанный мною в очерке «Некрасов и семидесятники» мелкий золотопромышленник, П. Чистохин, двух старших мальчиков которого я обучал в течение 5 лет.

лучении письма. Никаких особых причин моего замедления в ответе, никаких происшествий не приключилось со мною, — просто неохота была взяться за перо, не мог никак собраться. И не то, чтобы я был особенно занят, тогда-то я и аккуратен, а когда тянешь ляжку, не хочется писать. Отчасти, впрочем, и ты сама виновата: ты знаешь, или, по крайней мере, можешь себе представить, как монотонно однообразна наша жизнь, как мало дает она материала для бесед, а особенно для переписки; тем не менее, думаю, я находил бы темы для писем, если бы в тебе встретил отклик. Много всяческих попыток делал я, и все они оставались безрезультатны[ми]. Признайся, что меня нельзя попрекнуть в отсутствии старания, усердия в этом отношении. Но ты, в конце концов, обезоруживаешь меня: у меня опускаются руки. Не знаю, с какой стороны подступить, о чем писать? Не знаю даже, интересуют ли тебя те темы, которых я касался. А о чем же мне писать, как не о том, что меня окружает, что меня занимает? И естественно, из году в год сообщая об одном и том же, — что при однообразных условиях моей жизни неизбежно, — я поневоле должен повторяться, следовательно, и надоесть. Не думай, дорогая, что это мнительство, укоры и т. п. Я только объясняю, почему мне теперь трудно подолгу взяться за перо, чтобы тебе написать, чего со мной никогда раньше не случалось: ведь я, припомни... (на этом месте меня прервали гости, а там пошли всякие мелочи, и я три дня не мог взяться за перо). Не буду перечитывать написанного, не буду продолжать... Судя по всему, твои материальные условия очень скверны, да иначе и быть не может: свирепствующий в России голод, наверное, отражается и на ваших условиях, так же как на наших он отразился. Но мы все же живем не хуже, чем в прошлом году. Хлеб да и вообще с'естные припасы не дороги, и у многих, кроме казенного пособия и небольших получек из дому, есть кое-какие, хотя и ничтожные, заработки; к тому же и потребности у нас не очень велики. Я лично живу даже лучше, чем часто случалось, когда был с тобой. В этом, т.-е. в материальном отношении, мне везет, как никому пока. Но, «не единым хлебом сыт будешь», я не могу похвастать, что всегда в хорошем настроении. Впрочем, об этом ты и сама можешь догадаться,

и мне нечего много расписывать о причинах полной внутренней неудовлетворенности. Достаточно, если скажу, что часто вспоминаю слова поэта: «а годы уходят, все лучшие годы». Читать, кроме журналов и газет, удается мало, отчасти потому, что особенной охоты нет, «нет цели впереди», отчасти — обстановка, условия нашей жизни мешают, а главное — настроение: тоска, тоска! Это общераспространенное ощущение, — кого ни встретишь, с кем ни поговоришь, — все на нее, злодейку, жалуются! Да оно и понятно: кто обзавелся своим очагом и поглощен весь день всякими житейскими заботами и мелочами, не имеет досуга предаваться размышлениям о своем настоящем и, вероятно, не тоскует; остальные — холостяки, а их большинство, поневоле предаются анализу, и в результате — ощущение неудовлетворенности, бесцельности и пр. Все это избито, давно известно. Теперь у нас здесь масленица, — последний день (16/28 февр.); веселья, конечно, мало в этом глухом, безлюдном месте; проедет пьяный золотоискатель или офицер, и только; среди наших и того меньше, даже и ехать кататься не удастся. А я ужасно люблю катанье в саних на хорошей лошади. Последнее, т.-е. приобретение саней и лошади — моя мечта, которая, вероятно, ею и останется, хотя при некотором старании мог бы ее осуществить даже теперь. Но есть более настоятельные потребности: не говоря уже о злополучных часах, которых у меня все же нет, и не имею пока даже одеяла и т. д., но опять-таки не потому, что невозможно мне приобрести всего этого, что нет средств, негде их достать, — достать-то я их мог бы, да отчасти мой безалаберный образ жизни мешает: деньги, как говорится, меж пальцев расползаются, и не то, чтобы я кутил или что другое в этом роде, а так, зря уходят, за то живу без больших лишений и забот.

До сих пор еще ничего неизвестно о применении к нам манифеста. Быть может, пройдет еще не один год. А я уже, признаться, предполагал, что в этом году уйду на поселение, хотя разницы большой нет, все же, может, разнообразие. Я никого из вас не забываю, часто вспоминаю, и тяжело становится, когда думаю, что больше не придется свидеться... Но, авось, когда-нибудь судьба сжалится...
Твой брат.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

22 апреля (4 мая) 1892 г. Карийск.

Дорогая сестра, недель шесть прошло, как получил твое последнее письмо, в котором ты сообщаешь, что Жорж уехал в Париж на свидание с кем-то из родственников ¹⁾ и что Павел у вас гостит. Ты возлагаешь какие-то особые надежды на эту поездку Жоржа для дел вашей семьи. Меня это, конечно, очень интересует. Но при чем здесь родственники Павлиных и Тамары? ²⁾ Все это для меня загадки. Впрочем, надеюсь, что в следующем письме они раз'яснятся. Произведения Тамары, о которых ты вскользь упоминаешь, отчасти мне известны, т.-е. некоторые ее английские статьи в «Free Russia» и роман ³⁾. Правда, что она не прогрессирует ⁴⁾, но все же, вероятно, для английской публики полезны сообщаемые ею сведения. Очень обрадовало меня твое сообщение, что Жорж печатается в «Neue Zeit» и что его Фр[идрих] Кар[лович] ⁵⁾ высоко ценит. Бесспорно, он один из самых талантливых и образованных современных лево-гегелианцев. Ты, конечно, представляешь себе, как бы я хотел сам прочитать его статьи. Напрасно ты не стараешься, тем или другим способом, прислать их или в письмах познакомить меня хоть вкратце с содержанием его статей. Я предвидел и заранее беспокоился за твое здоровье, узнав, что ты очень усиленно занимаешься работой

¹⁾ Т.-е. на совещание с некоторыми народолюбцами и др. о совместном издании журнала.

²⁾ Павлиными, как я уже сообщал, мы называли народолюбцев, а Тамарой — С. Кравчинского.

³⁾ «Свободная Россия» — ежемесячный журнал, предпринятый Кравчинским сообща с несколькими англичанами, образовавшими по его же инициативе «Об-во друзей России», для агитации против деспотического русского правительства. Под романом я имел в виду его «Андрея Кожухова», незадолго пред тем вышедшего по-английски.

⁴⁾ Под «она» надо понимать «Тамару», т.-е. Кравчинского, а говоря, что она «не прогрессирует», я, вероятно, подразумевал, что Кравчинский, несмотря на близкое знакомство с Энгельсом, все же оставался романтиком, народолюбцем, утопистом.

⁵⁾ «Фридрихом Карловичем», конечно, был Энгельс.

в заведении Рольника¹⁾; надеюсь, что наученная горьким опытом, по крайней мере, впредь не будешь производить над собою таких экспериментов. Не знаю, огорчаться ли и жалеть ли, что ты, как сообщаем, забросила давно чтение и поглощена перепиской со многими родственниками?²⁾ Если результатом этой переписки ты сама довольна, то можно, конечно, на время и расстаться с чтением. Но очень сомневаюсь, чтобы ты была довольна: при твоей нелюбви к переписке, тебя, вероятно, удручает это занятие. Переписываешься ли с Дмитрием? Что он тебе сообщает? Я от него получил за все время две книги, значит, знаю, что он жив, но у тебя, должно быть, есть подробные его письма... Недавно нам об'явили о применении к большинству из нас манифеста по случаю проезда наследника по Сибири. Я и еще человек 10 из'яты, но, повидимому, вследствие характера наших дел. В числе из'ятых из твоих знакомых также и Зунделевич и Фомин. Те, к которым не был применен манифест 1883 г. (коронационный), получили сбавку трети срока, а к которым уже тот был применен, получили скидку 1 года. Признаюсь откровенно, что я не ожидал из'ятия, но и не огорчен этим обстоятельством, так как перспектива поселения в Якутской обл. вовсе не заманчива. Правда, и там люди живут, и там есть свои относительно хорошие стороны, но я навряд ли удовлетворился бы ими. Здесь, по крайней мере, в смысле материальных, житейских удобств можно устроиться довольно сносно, а там мелкие лишения и нужда могут вогнать в отчаянную хандру. Терпеть не могу, когда приходится думать о мелочах жизни,—о том, где бы и как бы достать того или этого. И без того жизнь «такая пустая и глупая шутка», а тут еще заботься, придумывай, что и как достать и сделать! Но из этого ты не заключи, что я занят «высшими», «интеллектуальными» вопросами: и умственных интересов мало, если не сказать почти никаких. Знаю из повременных изданий, что делается на белом свете, говорю об этом с тем или другим товарищем, читаю более или менее устаревшие уже сочинения по социальным во-

¹⁾ Под «занятием в заведении Рольника», повторяю, я подразумевал работу в качестве наборщицы в типографии группы «Освобод. Труда».

²⁾ Т.-е. сношениями с членами возникшего тогда «Союза русских соц.-дем.».

просам, — но все это так, для препровождения времени, как провинциальная барышня смотрит по целым дням в окно или читает забористые романы. Цели, смысла, системы нельзя при наших условиях вкладывать в занятия, — «лишь бы день прошел — и слава богу». Но и это будет неверно, если ты подумаешь, что дни тяготят, что они кажутся очень длинными, как это бывает, хотя со мной редко, в тюрьме. Нет, дни быстро проходят здесь — то в тех, то в других занятиях, и, говоря объективно, мне грешно на что-либо жаловаться; но что поделаешь с присутствующим каждому человеку чувством неудовлетворенности? Все же «чего-то нет, кого-то жаль», а отсюда — тоска, по временам сильная. Тебе, конечно, она знакома, если не в большей, то в меньшей степени, хотя ты и живешь при иных, лучших условиях. Но я, пожалуй, нагнал на тебя грусть? Признаюсь, я временами сержусь на тебя за то, что крайне лаконично пишешь о себе, а о близких совсем почти и не упоминаешь. Но, поразмыслив, понимаю, что ты совсем или мало в этом виновата. Я стараюсь сам мысленно дополнить картину вашей жизни. Однако, еще и еще прошу тебя, пиши мне насколько возможно подробнее и обстоятельнее. Знай, что меня все интересует: и прочитанная тобой интересная статья или книга, и встреча с новым человеком, и узнанный факт, и пр. Мне все же кажется, что при твоих условиях можно без особого напряжения раз в месяц насобирать факты и сведения для интересного и обстоятельного письма.

Тогда и у меня будет больше материала и охоты писать тебе, а то часто не берусь за перо просто потому, что неохота ввиду твоей лаконичности. А ведь таким образом ослабевает связь, отвыкаешь, и чем дальше, тем труднее становится взяться за перо. Прости, если я, не желая того, неумышленно огорчил тебя чем-нибудь в этом или в предыдущем письмах. Передай Жоржу мою радость по поводу его успеха и мои ему наилучшие пожелания на литературном поприще. Неужели Павел все не может пристроиться к литературе? Ну, всего, всего вам всем наилучшего. Крепко целую всех.

Твой брат Лев.

Только что получил письмо от Дмитра.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

23 августа (5 сент.) 1892 г. Карийск.

Дорогая сестра! После двухмесячного перерыва получил твое относительно большое письмо (в два маленьких листика), от 1 июня. В конце его ты спрашиваешь, понравится ли оно мне? Да, мне понравилась твоя, как ты выражаешься, «болтовня от души». Видно, что ты не «высживала» его и на этот раз больше сообщила о себе, о своем настроении и состоянии, чем во многих предыдущих письмах. Но вместе с этой обстоятельностью, содержание письма вызывает грусть: ты, поспрежнему, стараешься уверить меня, что болезнь у тебя неважная, что с нею можешь видимо-невидимо лет прожить. Не буду касаться того, насколько верны эти заявления, — одно то уже, что тебе, повидимому, часто приходится лежать в постели, испытывая, очевидно, сильную боль, не может не вызывать грусти. К тому же я живо представляю себе, насколько тяжело и скверно болеть, не имея поблизости сколько-нибудь близкого человека. В этом отношении даже мое положение лучше: хоть и нет у меня очень близких, все же, в случае болезни, товарищи не только не оставят одного, но, как это было, когда я в прошлом году возился с отрубленным пальцем, даже чересчур будут ухаживать, почти не оставляя наедине, так что мне приходилось даже просить их не особенно усердствовать. Все же, несмотря на такую заботливость со стороны окружающих, отсутствие близкого человека особенно сильно чувствуется именно во время болезни. К сожалению, ты вовсе не упоминаешь, есть ли кто-нибудь возле тебя, или ты обходишься лишь с помощью квартирной хозяйки?

Этим отсутствием близких во время болезни я отчасти объясняю высказываемый тобой грустный взгляд на «цель жизни» твоей. Ты пишешь, что «лично для себя ничего не ждешь», что «много ли, мало ли проживешь, разница будет лишь в количестве прочитанных интересных книг и более или менее интересной статье, тобой написанной, да еще в том, что лишний раз выручишь семью»¹⁾. По-моему,

¹⁾ Т.-е. членов группы «Освобожд. Труда»; главным образом, если не сказать исключительно, Плехановых, для которых много сделала Вера Ивановна в эти годы.

это перечисление, при высказанном тобой взгляде, что «теперь все будет лучше и лучше, все расти и расти», — может, наоборот, казаться очень заманчивым и утешительным для очень многих людей, оно способно вызывать бодрость и жажду жить. Сколь многие из среды интеллигентных людей не имеют ни такой общей уверенности относительно лучшего будущего, ни личных склонностей, возможностей и способностей к интересным книгам и к писанию «небесполезных статей». Сколь многие позавидовали бы одной только возможности достать интересующие их книги. Только при большом требовании от жизни или при болезненном настроении и исключительно неблагоприятных условиях можно приходиться к пессимистическому или равнодушному взгляду на жизнь. Знаю, что твой взгляд есть результат общего склада твоего характера, а отчасти и неблагоприятно сложившихся для тебя условий. Приятнее было бы, чтобы у тебя, наоборот, был жизнерадостный взгляд, бодрый, уверенный в себе, а не грустно-равнодушный. В этом отношении могу порекомендовать последнюю книгу Ренана «Feuilles détachées». Вот завидное самочувствие! Ему еще и еще хотелось бы жить, — хоть до 500 лет, — чтобы увидеть, чем закончатся ныне намеченные социальные и научные вопросы, какие народятся новые и пр. По его мнению, «субъективный скептицизм и сомнения в своих способностях всегда происходят от бездействия ума». Он утверждает, что «кто жаждет реальных знаний, тот никогда не станет углубляться в себя». Это верно. Действительно, огромное наслаждение и утешение быть в состоянии наблюдать и сознать, что впереди «будет все лучше и лучше». Но в этом отношении некоторые [находятся] вполне в зависимости от внешних условий; при всем их страстном и интенсивном желании знать и видеть, что происходит, они ничего не в силах наблюдать. Ты — другое дело: — у тебя и подготовка и благоприятная окружающая среда, ты вольна выбирать, что тебя интересует, и только болезнь или дурное настроение могут явиться тебе помехой. Но возьмем меня: положим, я интересуюсь экономическими условиями вообще и данной страны или местности, — в частности. Даже такая скромная цель, как изучение экономических условий, является почти недостижимой, более того — желание прочитать ту или дру-

гую интересующую тебя книгу, статью и пр. может быть лишь платоническим. Но довольно. Я вовсе не хочу сказать, что нахожу твой равнодушный взгляд на жизнь незаконным или непонятым для меня; говорю лишь, что многие (и я в том числе) иначе, бодрее относились бы к вопросу о продолжительности жизни при твоих условиях. Эта разница, конечно, обуславливается складом характера того или другого лица: иной не хандрит при самых ужасных обстоятельствах, другой, наоборот, при великолепных не может найти себе места. Ни ты, ни я не подходим ни к одному из этих типов: о тебе несправедливо было бы сказать, что не находишь себе места при самых великолепных условиях; обо мне также нельзя сказать, что я нигде не хандрю. Наоборот, в последнее время замечаю, что меня также трудно удовлетворить (конечно, относительно). Читая иногда в твоих или Павла письмах ссылки на то, что, будь я с вами, то мог бы то-то и то-то сделать, — я с грустью и сомнением думаю о таких занятиях, как возня с ребятишками¹⁾, кефирным или Рольниковским заведениями. Знаю, что ничего не дала бы другого, лучшего, действительность, все же мечтаешь о другом, большем. — Много чрезвычайно интересного теперь у вас происходит и намечается. Я имею в виду относительно победу Гладстона, предстоящую парламентскую сессию в Англии, требования рабочих 8-час. раб. дня, борьбу Бисмарка с Вильгельмом II, бельгийские дела и пр. Обо всем этом и многом другом мы узнаем лишь вкратце, и потому тем больший интерес возбуждается в нас. Недавно, случайно прочитал рецензию на книгу дяди Пети²⁾ «La conquête du pain» и изумлялся, до чего он наивен: очевидно, время ничему его не научило, и он несет ту же бессмыслицу, что 10—15 лет тому назад. Неужели и Реклю также «сохранился»? Неужели и он считает себя солидарным с равашольевскими безобразиями?³⁾ Если же нет, то почему он печатно не объявит о своем несогласии? А Мост, наконец, пристроился в Армии Спасения: самое подходящее для таких суб'ектов

¹⁾ Под «ребятишками» я подразумевал возню с юношами, молодежью.

²⁾ Т.-е. Петра Кропоткина.

³⁾ Известный в 90-х г.г. анархист, бросавший бомбы в Париже.

дело: там надлежащее место для всех сумасбродов. — Почему ты замолчала о дальнейшем ходе переговоров насчет примирения с тетушкой Сарой¹⁾? Непременно сообщеши, о каких ты знаешь новых хороших книгах по общественному и рабочему вопросам. Меня очень интересует задуманное Бебелем сочинение о немецком движении, но вряд ли удастся его получить. Так же интересны, вероятно, произведения Вейзенгринга и Paul'я Bart'a: «Die Philosophie der Geschichte von Hegel bis Marx und Hartmann». Если будешь обстоятельно писать о книгах и вообще о происходящем в Европе, то доставишь большое удовольствие многим из нас.

Переписываешься ли с Дмитрием? Передай ему все, что узнаешь обо мне. Ну, будь же бодра и равнодушна к дальнейшей своей жизни. Целую. Мой сердечный привет Жоржу, Розе и всем близким.

Твой брат Лев.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

18/30 ноября 1892 г. Карийск.

Получил, дорогая сестра, твое письмо от 1-го октября, в котором ты пишешь, что устно, или не на таком расстоянии, могла бы многое сообщить мне, поделиться волнующими тебя вопросами. Что за славное это письмо! Давно таких от тебя не получал. В сущности, ты ничего не сообщала в нем такого, чего бы я не знал или не мог мысленно дополнить. Но потому ли, что тон его особенно хорош, задушевен, или потому, что оно получилось при соответствующем у меня настроении, но я почувствовал, что понял многое несказанное, проник куда-то глубоко-глубоко, и так приятно, хорошо стало на душе. Сколько и я интересного и даже поучительного мог бы сообщить тебе! И у меня, несмотря на однообразие жизни, есть вопросы, которые волнуют и поглощают меня целиком. Но не подумай, что это вопросы чисто местного характера, происхождения.

¹⁾ Кажется, я уже сообщил, что на нашем конспиративном языке под «тетушкой Сарой» мы подразумевали Марию Николаевну Ошанину, а затем стали так называть каждого народовольца.

Нет, они — общего теоретического и практического свойства и почти не имеют никакого отношения к окружающей меня монотонной и серой действительности. Писать об этих вопросах мне так же трудно, как и тебе о волнующих тебя, но, повидимому, по другой причине: тебя останавливает сознание, что, пока твое письмо дойдет до русско-сибирской границы, эти вопросы так или иначе вырешатся. Значит, они непосредственного, скорого, преходящего характера. Мне же трудно делиться с тобой потому, что пришлось бы писать целые фолианты, задумай я дать тебе полное и верное представление о занимающих меня вопросах. Могу также повторить буквально твои слова: «чего, чего я не дал бы, чтобы иметь возможность делиться с тобой волнующими меня вопросами». И так же, как и ты, я часто беседую с тобою (иногда глубоко за полночь) о них, так же, как и тебе, мне не с кем здесь делиться целиком, хотя имею товарищей и приятелей. Но только тебе одной я мог бы обстоятельно изложить их, так как ты одна вполне могла бы понять их, уловила бы чутьем недосказанное и сделала бы, быть может, вытекающие из них выводы и практические применения. Мысленно беседуя с тобой об этих темах, я часто представляю себе оживленные и вместе удивленные глаза твои, приятное и даже радостное настроение, в которое ты, наверное, пришла бы, слушая устное мое изложение. Забегав по своей комнатке (в которой, к слову, конечно, страшный беспорядок), ты, подумав немного, не только вполне меня одобрила бы, но и сама стала бы заниматься и старалась бы делать из них необходимые практические выводы и применения. Но даже и теперь я надеюсь, что ты, не зная пока сущности интересующих меня вопросов, все же поддержишь меня, одобришь такое мое настроение и постарайся если не прямо, то хоть косвенно помогать мне — присылкой просимых мною книг и передачей известных тебе фактов. Для этого в немногих словах скажу, что теоретические вопросы, интересующие меня, относятся к первобытной культуре и философии истории, конечно, с материалистической точки зрения, но, к тому же в частности, к Mutterrecht'у и, как мне кажется правильным, считать вытекающим из последнего — Frauenfrage. Мне очень грустно, что не могу убедиться, насколько пра-

вильны мои воззрения по этим вопросам, ввиду неимения необходимых мне многочисленных и разнообразных источников, а также — отсутствия людей, интересующихся этими же вопросами. Все здесь имеющееся я уже почти перечитал или просмотрел, нигде не находя разъяснения. А между тем я глубоко убежден, что вопросы эти имеют очень важное не только теоретическое, но и практическое значение. Пока прошу тебя не сообщать Жоржу и Павлу о моем увлечении Mutterrecht'ом и Frauenfrage ¹⁾: они, да, вероятно, и ты тоже, не зная, в чем дело, решите, что я ломлюсь в открытую дверь, так как, мол, Морган, Энгельс, Липперт и др. все уже разъяснили, а Бебель написал даже специально книжку о Frauenfrage (Кстати, настоятельно прошу тебя непременно постарайся мне ее прислать и, вообще, насколько возможно, присылай аналогичные произведения: о роли женщины у геоссов, отчеты по Frauenfrage на конгрессах, митингах, в ферейнах. Такого рода произведения могут дать мне указания, как другие смотрят на интересующие меня вопросы). Но «при чем в Frauenfrage первобытная культура и философия истории»? — быть может, подумаешь ты. Не зная всей связи моих мыслей, действительно, может показаться всем чем угодно, — и путаницей и преувеличением с моей стороны незначительного в сущности вопроса, — преувеличением, объясняющимся оторванностью от цивилизованного мира, незнанием уже давно решенного и др. Но, как мне кажется, на самом деле, это у меня не так. Ужасно хотелось бы мне знать, нет ли у вас такого лица, имеа хорошую научную подготовку по первобытным учреждениям и придерживаясь материалистических воззрений, специально и сильно интересовалось бы Frauenfrage? Как бы мне хотелось с таким человеком обменяться взглядами! Но довольно об этом. Твои объяснения относительно уступок родственникам ²⁾ все же не убедили меня. Хотя ты и пишешь, что вы все это проделали ради меньшего, подростшего поколения, чтобы оно

¹⁾ Матриархат — материнское право, господство женщин; Frauenfrage — женский вопрос.

²⁾ Т.-е. соглашения с народовольцами. Такое примиренческое настроение вызвано было разразившимся в России в начале 90-х г.г. знаменитым голодом.

увидело, что не в вас корень распри, — но мне все же кажется бесполезной (а может быть, и вредной) ваша тактика. Уступки и авансы подчас можно и даже должно делать. Но вопрос: когда и где? Ответ подсказывается практическим чутьем. Мне оно подсказывает иную, чем ваша, тактику. Конечно, я не знаю всех обстоятельств, но, насколько я себе представляю общее положение домашних условий, я поступил бы так. Не вступая ни в какие переговоры ни с дедушкой, ни с тетюшками и дяденьками ¹⁾ там у вас, — так как на них можно махнуть рукой, — я отпрашился бы домой ²⁾ и повел бы дело самостоятельно, независимо. Уже один факт приезда, после долгой разлуки, произвел бы, особенно теперь, очень благоприятное впечатление на всех родственников, в особенности же на подросших и, как ты пишешь, «симпатичных детей» ³⁾. Там на месте, ведя процесс ⁴⁾, я проявлял бы миролюбие и готовность к уступчивости, если бы это требовалось по обстоятельствам дела, но первый не делал бы решительного шага к примирению, зная заранее, что успех дела рассеял бы всякие сомнения, всякие колебания. Ведя свою линию, я не был бы нисколько ни злопамятен, ни упрям, ни заносчив, а, наоборот, беспристрастен, объективен и умерен, а главное — деятелен. И дети, думаю, оценили бы мою тактику; они увидели бы тогда, в ком и в чем корень распри. Но если бы даже этого я не достиг бы, что мне трудно себе представить, — то беспристрастные судьи, незаинтересованные лица, адвокатура и увриеры ⁵⁾ склонились бы на мою сторону, и тогда уже дети, а за ними дяденьки и тетеньки, прибежали бы ко мне просить пардона; а если бы не просили, то и бог с ними: я все же выиграл бы тяжбу ⁶⁾, и на нашей улице был бы праздник, от нас пошел бы перелом

¹⁾ Понятно, что я имел в виду Лаврова, Марию Николаевну, Кравчинского и др. старых народовольцев, живших за границей.

²⁾ Под «отправкой домой» подразумевалось, конечно, возвращение из-за границы в Россию.

³⁾ «Подросшими симпатичными детьми» мы называли вновь народившуюся революционную молодежь.

⁴⁾ Т.-е., занимаясь переговорами, в то же время организовывать, агитировать и т. д. среди рабочих и молодежи.

⁵⁾ «Адвокаты и увриеры», т.-е. интеллигенция и рабочие.

⁶⁾ Надо, конечно, понимать, что привлек бы их на свою сторону.

в семейной неурядице ¹⁾. Ты, конечно, скажешь, что я много на себя беру, приписываю себе чересчур большое значение и влияние, но будешь неправ. По моему, раз семейная неурядица дома достигла известной степени, то достаточно незначительного, в сущности, но неожиданного и смелого приема, чтобы все положение изменилось. В таких случаях роль отдельного лица можно сравнить с искрой, брошенной в сухое сено. И я и каждый из вас в особенности мог бы явиться этой искрой в деле прекращения домашней неурядицы и распри. Конечно, я предварительно подготовил бы почву, обеспечил бы себя кой-какими связями и средствами, но за этим, думаю, остановки не было бы. Даже опасение заболеть ²⁾ не остановило бы меня теперь, так как, перенесши фрейбургскую болезнь ³⁾, я убедился, что она не так страшна и приносит большую пользу; особенно она легко переносится, если она не неожиданна, если к ней заранее приготавлиешься. Конечно, при слабых легких наш суровый климат вреден, но опять же вопрос, не преувеличивают ли врачи? Словом, дорогая, как видишь, исходя из моей точки зрения, ваш прием примирения не может мне казаться удачным, практичным, вообще ваша жизнь мне представляется крайне безотрадною, мало-результатной и производительной: почти десять лет прошло со времени возникновения заведения Рольника ⁴⁾ и начала распри и неурядиц ⁵⁾, а вы почти на одном и том же месте: все перебиваетесь из кулька в рогожку и тешитесь, кажется, микроскопическими успехами и улучшениями. Не подумай, что это скоропалительное мое мнение, явившееся у меня в последнее время. Нет, года два уже, как я все колеблюсь поделиться ими с тобою, а эти дни оно все не выходит у меня из головы. Ты давным-давно ничего не сообщаем о здоровье Жоржа, о своем также редко упоминаешь. Помнишь, кажется из Одессы (осенью 84 г.), описывая тамошний суровый режим, я утешался оптимистическими взглядами д-ра Панглоса: «все к лучшему» и т. д. Представь:

1) Т.-е. марксистское направление одержало бы верх.

2) Т.-е. быть арестованным.

3) Понятно: арест во Фрейбурге.

4) Т.-е. группы «Освобод. Труда».

5) Борьбы с народолюбцами и народниками.

теперь я, действительно, допускаю, что, оставаясь я с вами и проживи я так, как вы эти годы жили, я чувствовал бы себя, вероятно, не лучше, а то, быть может, и хуже, чем теперь, будучи здесь. Ты как думаешь? Впрочем, тебе трудно решить этот вопрос, так как, во-первых, ты не знаешь, как я себя теперь чувствую, а во-вторых, не знаешь, конечно, как бы я чувствовал себя, оставшись. Но я думаю, что там, в конце концов, мне было бы хуже, конечно, при некоторых условиях. Видишь, до каких странных взглядов и предположений я дошел. Но довольно. Не забывай же моей просьбы о присылке книг. Дюруи я еще не получил. Сохраняешь ли мои бумаги, письма, особенно Дмитра? Часть последних была у Лизы, — прибери их все в одно место. Крепко целую тебя, дорогая сестра.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

25 октября (5 ноября) 1893 г.

Последнее твое письмо, дорогая сестра, очень интересно и вызывает на серьезное размышление. Хотя оно и написано тотчас по приезде из Цюриха (15 сентября) и ты не делишься своими впечатлениями о тамошнем празднестве ¹⁾, но я не жалею об этом, так как избранная тобою тема — ознакомление и раз'яснение мне положения дел семьи дома ²⁾ — очень интересна. Не скажу, чтобы твои сообщения были вполне новы для меня, — кое-что уже и раньше доходило до меня, — но самый тон и характер твоих суждений делают более рельефными, живыми мои представления о домашних условиях и обстоятельствах. Раз пять я перечитывал его и несколько дней находился — отчасти и теперь еще нахожусь — под его впечатлением, хотя мои личные обстоятельства в последние две недели не особенно благоприятствуют размышлениям о посторонних, отдаленных предметах: эти недели, по независящим от меня обстоятельствам, я должен был покинуть свою насиженную

¹⁾ Т. - е. об Интернациональном Конгрессе, произошедшем, как известно, в том году в Цюрихе.

²⁾ Под этим я подразумевал положение группы «Освобождение Труда».

и вполне отремонтированную на зиму хатенку и переехать в новую, которую опять нужно было белить, мазать (глиной), вставлять окна, обивать двери и пр. и пр. (зато, раз уже заговорил о квартире, сообщу здесь, что новая вполне напоминает городскую: состоит из большой, в три окна, очень высокой комнаты с сенями и кухней, с приличной, по здешним условиям, мебелью, — имеется даже диван, правда, некрашенный и необитый, письменный стол с мягким стулом, изящная этажерка для книг и две кадки с цветами); но квартира эта имеет и большие неудобства: во-первых, чересчур велика для одного, и приходится ежедневно топить две печки (покупными дровами, по 2 р. саж.), несмотря на это, все же, вероятно, будет прохладно в зимние стужи; во-вторых, она, сравнительно, вдали от всех товарищей, — на выселке, так что они ко мне и я к ним не часто сможем заявляться, что, впрочем, имеет и свои выгоды, в виду занятий. Но возвращусь к твоему письму. Указав на резко изменившийся характер поведения и образа жизни родственников на родине, ты так резюмируешь свои сообщения: «Специалистов¹⁾ нет больше. Если бы ты вник в это одно обстоятельство, то мог бы понять, отчего, несмотря на великолепные объективные условия и огромный, превосходящий всякие ожидания успех, — субъективно нам, старым специалистам, может все-таки приходиться плохо и заведение Рольнига может по временам стоять».

Раньше ты опровергаешь меня, что и я «не мог бы быть на месте, как и вы». Я вполне согласен со всеми твоими раз'яснениями, сообщениями и рассуждениями. Повидимому, действительно, все радикально изменилось у нас дома и, будь семи даже пядей во лбу, ничего существенного, нового никто не сделал бы. Поэтому мне несколько неловко было читать твою последнюю фразу о себе, взятую из моего последнего письма; «будучи на месте, сделал бы то-то». От нее несет большим самомнением, «задавательством», как тут у нас говорят. Этими словами я совсем не хотел сказать, что, несмотря ни на какие обстоятельства, поехал бы домой к родным²⁾. Я желал только сказать, что не остановился бы

¹⁾ Т.-е. «нелегальных», «профессиональных» революционеров.

²⁾ Это означало: поехал бы из эмиграции нелегально работать в Россию, о чем писал в предыдущем письме.

ни перед чем и, вероятно, придумал бы что-нибудь, чтобы «при огромном, превосходящем всякие ожидания, успехе субъективно не приходилось плохо старым». Как добился бы я этого, отсюда сказать не берусь, но почти уверен, что надумал бы способ, — считай это задавательством или чем хочешь. Думаю, что Дмитро согласился бы со мной насчет этой моей самоуверенности, — ты все же не видела меня почти десять лет, а за это время я ведь не стоял на одном месте. Ну, да что об этом толковать, когда мы отделены необъятными пространствами и когда мои ответы на твои сообщения приходят тогда, когда обстоятельства у вас настолько изменились, что уже забыты те, под влиянием которых было написано прежнее письмо. Живя здесь, мне остается только радоваться или скорбеть, когда ты в своих письмах вызываешь те или другие ощущения, хотя, признаюсь, мне иногда в голову приходит и ехидная мысль поступать (по примеру Иванушки-дурачка) как раз наоборот, т.-е. скорбеть, когда твои сообщения отрадны, и радоваться, когда они печальны, — думаю, что такие мои ощущения вполне соответствовали бы положению дел в то время, когда я читаю твои, а ты мои письма.

Какими пустяками, мелочами заполняется наша жизнь здесь! Они подчас могут донять всякого. Относительно, я еще лучше многих поставлен, — занимаюсь, по возможности интересуюсь тем, что делается на белом свете. Все же это не может наполнить всего нутра, ввиду отсутствия живого практического дела; поэтому вместо серьезного хватаешься за суррогат, хотя всегда, в конце концов, жалеешь о потеряном времени. Книжка все же наиболее приятное развлечение. Но именно только «развлечение», так как цели вкладывать в чтение, ставить себе какие-нибудь теоретические задачи и вопросы здесь решительно не могу. К тому же прихожу к очень неутешительному заключению относительно современных теоретических произведений: ничто в них не кажется мне новым, особенно оригинальным, а следовательно, и интересным. На это заключение навели меня недавно прочитанные три книги: Schulze-Nevernitz'a «Der Grossbetrieb», Herrmann'a «Technische Fragen und Probleme» и Николая—сна «Очерки русского пореформенного хозяйства». Кстати, о последней. Ты, быть может, не читала ее; она вышла пе-

давно, летом наст. года, и в целом хуже, чем, помнишь, его 1-я статья под тем же заглавием, помещенная в «Слове» за 80-й год. Ссылаясь на экономические теории Маркса и будучи как будто знаком с современным положением дел в России, он, однако, не умеет найти выхода из последнего и сетует по поводу того, что не поддерживают общины и «пренебрегли», мол, завещанными нам от предков «устоями» и пр. Причина этой его неспособности разобраться, его противоречия — в том, что он не усвоил себе диалектического метода Маркса: «в худом он видит одно лишь худое», как говорили Маркс и Энгельс; все же, в общем, это не лишнее интереса экономическое сочинение. По-моему, он образованнее и интереснее В. В.

Своими впечатлениями о Цюрихе ты обещаешь поделиться в следующем письме: жаль, что ты не сделала этого тотчас по приезде. Но я понимаю, что тебя «тамошний шум мог утомить». Из русских газет, конечно, немногого я мог почерпнуть; все же наиболее существенное знаю (хотя, может быть, и это не все наиболее существенное): о принятых резолюциях, об изгнании анархистов, о шествии по городу, о почетном председательстве Энгельса — это почти все, что я вычитал. До получения ответа на это письмо, ты, вероятно, поделишься уже со мною своими впечатлениями. Они-то, впечатления твои, меня особенно интересуют: ты ведь в первый раз присутствовала на таком празднестве. Сообщи, с кем ты там познакомилась, кто из говоривших или так там присутствовавших тебе особенно понравился, говорилось ли что о наших родственниках и о родине? Воображаю, сколь мизерными кажемся мы в своих собственных глазах, когда сравниваем себя в таких случаях с геноссами! Каков старик Энгельс, — познакомилась ли ты с ним? Что поделявает Павел?

Поди, он в восторге от празднества? А Жорж? Говорил ли он? Были ли дедушка Петр и тетушка Сара? На эти и сотни подобных вопросов хотелось бы получить ответ. Но почти заранее уверен, что ты не удовлетворишь моего любопытства, будешь очень лаконична, пропустишь многое. Припоминая содержание некоторых моих писем, мне пришло в голову, что, благодаря кажущемуся долемическому характеру их, ты, может быть, делаешь ошибочное заключение

о моем настроении и отношении к некоторым вопросам. Ты, быть может, представляешь меня придирчивым, ворчливым и вечно полемизирующим инвалидом, впадающим в старость? Это неверно. Ни образ моих мыслей, ни окружающая действительность не располагают к придирчивости, полемике и пр. Я, наоборот, все более и более проникаюсь французской поговоркой: «Tout comprendre — tout pardonner». К этому взгляду располагает все окружающее. Здесь особенно легко наблюдать, насколько взгляды, настроения и поступки людей зависят от внешних условий: последние вялы, несложны, скучно-однообразны, и люди и все живущее таковы же. Откуда же могло бы взяться страстное, нетерпимое отношение к разногласиям и воззрениям и строгое осуждение неодобренных, с моей, напр., точки зрения, поступков? Тем объективнее могу я относиться к тому, что узнаю из твоих писем о внешних, отдаленных от меня фактах. Не говоря уже про то, что, ввиду их отдаленности, они еще менее, чем вблизи происходящие, могут меня волновать, — я обязан относиться к ним, как почти вполне неизвестным. В этом отношении окружающие меня условия и отделяющие меня от мира огромные пространства действуют, как давно прошедшие исторические периоды: чувствуешь себя не современником данных событий и происшествий, а как бы живущим много лет после их совершения и смотрящим на них, как на давным-давно случившиеся.

Чересчур я разболтался, пора и кончить. Напомни Павлу, что я просил его выслать мне две вышедшие в Цюрихе немецкие диссертации о Марксе некоего поляка Вериге. Неужели ему там трудно их достать? Он обещал написать Braun'у, чтобы тот выслал мне Socialpolitisches Centralblatt, но я все не получаю его. Думаю, что и этот журнал ему нетрудно было бы доставать у кого-нибудь из выписывающих его и высылать мне, а без иностранного журнала здесь очень тоскливо. Позаботься, дорогая, об этом. Ну, будь бодр и, по возможности, счастлива. Целую тебя, также Жоржа, Павла и других близких. Видалась ли ты с Аней¹⁾ в Цюрихе? Что она поделывает?

Твой брат Лев.

* * *

¹⁾ Неоднократно упоминающаяся в воспоминаниях и переписке Анна Марковна Макаревич-Розенштейн, она же Кулешова-Турати.

Как я уже сообщил в предисловии, остальных моих писем не оказалось в архиве Г. В. Плеханова; между тем, до самого своего побега из Сибири (весной 1901 г.) я не прекращал переписываться с Верой Ивановной и другими заграничными друзьями. Тем более досадно исчезновение позднейших моих писем, что, как известно, в середине 90-х гг. стало усиленно развиваться в России наше марксистское движение, о чем, хотя и лаконично, но все же сообщила мне В. И. Засулич и отчасти П. Б. Аксельрод, а из моих ответов им можно было бы получить некоторое представление о том, как она и другие члены группы «Освобожд. Труда» относились к ходу развития нашего направления за границей и в России.

Отсутствие остальных моих писем я объясняю произошедшим переездом В. И. Засулич в Лондон (в 1894 г.), по выезде из которого она, может быть, оставила на время у кого-нибудь из тамошних своих друзей имевшиеся у нее рукописи и письма; если же она привезла все с собою в Цюрих, то, отправившись, как известно, в конце того десятилетия, — конечно, нелегально, — в Россию, передала свои документы там кому-нибудь на хранение. Есть поэтому надежда, что, — подобно тому, как случилось с выше помещенным письмом к ней Маркса, — также со временем и мои к ней письма мало щепетильные редакторы какого-нибудь архива, найдя их там, опубликуют без необходимых комментариев и сокращений или со «своими» дополнениями и разъяснениями, отчего в том и в другом случае и я и читатели не много выиграем.